

НИКОЛАЙ
ЧУКОВСКИЙ

ВОДИТЕЛИ
ФРЕГАТОВ

Николай Корнеевич Чуковский

Водители фрегатов

Текст предоставлен издательством «ACT»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130452

Чуковский Н.К. Водители фрегатов: ACT; Москва; 2002

ISBN 5-17-014042-8

Аннотация

Книга посвящена отважным мореплавателям прошлого: Джемсу Куку, Лаперузу, Ивану Крузенштерну, Юрию Лисянскому, Рутерфорду, Дюмону Дюрвилю. Это увлекательное и яркое повествование о судьбе прославленных моряков, их жизни, полной героических путешествий и великих открытий.

Содержание

Вступление	6
Часть первая	11
Мальчик из лавки	11
Джемс Кук впервые выходит в море	11
Юнга превращается в капитана	17
Первое плавание. От острова к острову	20
Бэнкс	20
Таити	21
Новая Зеландия	30
Материк или остров?	34
Австралия	38
На краю гибели	41
Пожар	46
Беспримерное плавание	49
Второе плавание. Поиски южного материка	53
Снова в путь	53
Ледяные горы	55
Страшные слухи	58
Маленькое солнышко	61
Королева в изгнании	62
Острова Дружбы	66
Людоеды	71
«Отвага» у новозеландских берегов	77

Опять среди льдов	83
Погибший мир	86
Таитянский военный флот	89
Новые Гебриды	93
Новая Каледония	97
Домой	99
Третье плавание. Северо-Западный проход	101
Кук опять отправляется в Тихий океан	101
Овцы	103
Тасмания	111
Кагура	114
Мальчики из Новой Зеландии	119
Острова Кука	121
Праздник урожая	124
Возвращение Омая	127
Гавай	131
Северная Америка	133
Таинственное письмо	137
Русские	141
Жрецы и вожди	145
Несчастье	151
Корабли возвращаются в Англию	158
Часть вторая	161
Северо-Западный проход должен быть найден!	161
Франции нужен Тихий океан	161

Сборы в путь	164
Бартоломей Лессепс	167
Остров Тенериф	168
Восхождение на Тенерифский пик	170
Экваториальный ливень	176
Отважный комендант	179
В Бразилии	182
Конец ознакомительного фрагмента.	184

Николай Чуковский

Водители фрегатов

Вступление

Тихий океан вмещает почти половину всех земных вод.

Почти половина земного экватора проходит по Тихому океану.

Найди Тихий океан на глобусе, и ты увидишь, что он занимает почти целое полушарие.

Когда на одном берегу Тихого океана день, на противоположном – ночь. Когда на одном берегу утро, на противоположном – вечер.

Ветры, не встречая на пути препятствий, по целым месяцам дуют в одном направлении. Громадные длинные волны катятся, не зная преград. Бутылка, брошенная в океан, может плыть столетия и не доплыть до берега.

Из вод этого безмерного океана поднимаются тысячи островов. Они покрыты густым тропическим лесом и похожи на плавучие цветущие сады.

Громадные океанские просторы лежат между этими островами.

Первым европейцем, увидевшим Тихий океан, был испанец Бальбоа. В 1513 году Бальбоа с небольшим отрядом вы-

садился на атлантическом побережье Центральной Америки и пошел в глубь страны. Он поднялся на горный хребет и увидел впереди неведомое море. Бальбоа спустился к этому морю и, не снимая доспехов и лат, вошел в его волны. Стоя по грудь в воде, он торжественно принял весь океан, о размерах которого не знал ничего, во владения короля Испании.

Семь лет спустя, в 1520 году, Магеллан, командовавший эскадрой испанских кораблей, обогнул Американский материк с юга и вступил в Тихий океан. Много месяцев плыл он по Тихому океану, не встречая никакой земли. Несколько раз он пытался измерить лотом глубину, но лот не достигал дна. Да и как Магелланов лот мог достигнуть дна, если глубина Тихого океана во многих местах равна десяти километрам!

Магеллан пересек Тихий океан от Южной Америки до Филиппинских островов. Он был убит в сражении с филиппинцами.

Из эскадры Магеллана только один корабль вернулся в Испанию. Этот корабль, плывя сначала по Индийскому океану, потом по Атлантическому, вернулся в Европу, совершив, таким образом, первое в истории человечества кругосветное путешествие.

В течение следующих двухсот лет испанцы, голландцы и англичане не раз проходили по пути, проложенному Магелланом. Но новые путешественники не решались отклоняться в сторону от знакомой дороги, и поэтому исследование Ти-

хого океана почти не подвигалось вперед.

Смелее других был капитан Абель Тасман, голландец.

Отойдя от Магелланова пути к югу, Тасман в 1642 году открыл Австралию, Тасманию и Новую Зеландию.

В первой половине XVIII века исследованием Тихого океана занялись русские. По указу императора Петра, капитан Беринг снарядил на Камчатке экспедицию, чтобы плыть на восток и узнать, соединяется ли Азия с Америкой. Он пересек ту северную часть Тихого океана, которая теперь носит название Берингова моря, и открыл Аляску. Возвращаясь с Аляски, Беринг потерпел крушение и умер от цинги на одном из Командорских островов, который в память этого события теперь называется островом Беринга.

И все же Тихий океан оставался почти не исследованным.

По-настоящему исследовать его европейцам удалось только во второй половине XVIII века.

В поисках удобных торговых путей и стремясь к захвату далеких стран, во второй половине XVIII века европейские моряки совершили ряд героических путешествий в Тихий океан. Большинство этих экспедиций кончилось гибелью их участников. Но благодаря им человечество узнало о множестве дотоле неведомых земель.

Вторая половина XVIII века – это эпоха высшего расцвета парусного флота. Никогда до тех пор искусство строить деревянные корабли и управлять парусами не достигало такого совершенства. Впоследствии, с изобретением пароходов,

искусство это утратилось.

Сейчас нам трудно даже вообразить себе всю сложность управления гигантским фрегатом, паруса которого состоят из двухсот отдельных частей. Двести парусов, и у каждого свое назначение! При перемене ветра каждый парус поворачивали. Какой громадный опыт, какую находчивость, какие точные знания нужно было иметь, чтобы не сбиться, не спутаться!

А сколько нужно было отваги, чтобы годами блуждать по неведомым водам, не зная, что ждет тебя за линией горизонта! Деревянные днища кораблей гнили, обрастили корой из ракушек. Порой не хватало продуктов, кончалась пресная вода. Но тысячи миль оставались позади, а все те же волны по-прежнему били в борта, и менялось только расположение созвездий в небесах.

На самой высокой мачте висела корзина, в которой сидел матрос. Волны шатали корабль, и корзина качалась, как люлька. Матрос сидел в корзине, взглядываясь в даль и стараясь заметить землю. Так качался он между водой и небом, ничего не видя, кроме волн. И вот наконец замечал он на горизонте синюю туманную полосу. Стремительно спускался он вниз, на палубу, радостно крича во все горло:

– Земля!

Так мало-помалу люди открывали новые страны. Так все ясней становились очертания исполинского океана. Одни из этих моряков потонули, другие погибли в боях, и только

немногим пришлось умереть дома, на родине. Но мир никогда не забудет бесстрашных водителей фрегатов. Вот имена самых прославленных из них: капитан Джемс Кук, капитан Лаперуз, капитан Иван Федорович Крузенштерн и капитан Дюмон Дюрвиль.

О них мы и расскажем.

Часть первая

Капитан Джемс Кук и три его кругосветных плавания.

Мальчик из лавки

Джемс Кук впервые выходит в море

Когда какому-нибудь судну, стоящему в доке города Стэйта, нужно выйти в море, подымается суматоха. Док всегда переполнен, корабли стоят борт о борт, сжатые извилистым каменным молом. С берега мачты кажутся непроходимым лесом – такое их там множество и такая там теснота.

Чтобы вывести одно судно из дока, надо переставить все до единого. А это не легкое дело.

И вот на мол взбегает служащий дока с рупором в руках.

– «Горец», вперед! – гудит рупор. – Стань рядом с «Нептуном»! «Нептун», вперед! Стань рядом с «Трезубцем»! «Трезубец», вперед! Стань за «Неустршимым»!

И все приходит в движение.

Наконец освобождается узкая полоска черной воды, по которой готовое к отплытию судно выходит в море.

Так было и ясным июльским вечером 1746 года, когда из Стэйтского дока вышел угольщик «Геркулес». Начинало темнеть, в небесах появились первые звезды. Белые домики Стэйта таяли вдали, сливаясь с синей полоской берега.

«Геркулес» принадлежал торговому дому «Братья Уокер» и шел в Дублин с грузом угля под командой капитана Джона Уокера и боцмана Генри Уокера.

Старый «Геркулес» был единственным судном «Братьев Уокер», и экономные братья, чтобы не увеличивать расходов, держали на нем всего двух матросов. Конечно, такому экипажу трудно было управлять кораблем, и многие пророчили ему скорую гибель. Но море щадило «Геркулес», и он, всегда перегруженный, всегда грязный, продолжал плавать между Стэйтом и Дублином.

Капитан Джон Уокер был бородат, угрюм и скуп. Он ни сколько не был похож на своего брата Генри Уокера, молодого, веселого человека.

Генри Уокер любил книги о путешествиях и часто подолгу разговаривал в порту со старыми моряками, побывавшими в далеких странах.

Когда город скрылся в сумерках, Генри спустился в трюм посмотреть, хорошо ли сложены мешки с углем, не рассыплют ли их морская качка. Джон остался на палубе. Четверть часа спустя Генри вылез из трюма, ведя за руку оборванного, грязного мальчика.

Мальчику было лет четырнадцать. Сквозь лохмотья про-

свечивало голое тело, из рваных башмаков вылезали пальцы, жесткие черные волосы торчали во все стороны. Левый глаз его был подбит и превратился в узкую сверкающую щелочку, зато правый смотрел смело и дерзко. Мальчик шагал с таким храбрым, независимым видом, что нельзя было решить, кто кого ведет – он ли Генри Уокера или Генри Уокер его.

– Погляди, Джон, вот так находка! – со смехом проговорил Генри, подводя мальчика к брату. – Он вылез прямо на меня из-за мешка с углем и заявил, что навсегда остается у нас на судне. Я пригрозил выбросить его в море, но он никак не испугался. Он мне ответил, что уж лучше лежать на морском дне и видеть, как над тобой проходят корабли, чем вернуться назад в Стэйт, к суконщику Сэндерсону. Видел ли ты когда-нибудь такого чудака? Право, он мне нравится!

Но Джон только нахмурился. С какой стати он повезет в Ирландию бесплатного пассажира?

– Как тебя зовут? – начал он грозный допрос.
– Джемс Кук, сэр.
– Ну, мистер Джемс Кук, ты, я вижу, хочешь есть чужой хлеб?
– Нет, сэр, я хочу работать.
– Работать? Что же ты хочешь делать?
– Я хочу стать моряком!
– Нам нужен юнга, – вставил было Генри, но Джон так посмотрел на него, что он сейчас же прикусил язык.

— Да разве такие младенцы годятся в моряки? — еще стро же продолжал Джон. — Разве ты был когда-нибудь в море? Знаю я вас, дармоедов!

— Я не дармоед и никогда не буду дармоедом! Я всему вы учусь, сэр!

Джон Уокер хотел было рассердиться, но внезапно увидел подбитый глаз мальчика, и ему стало жаль своего непрошено го пассажира.

— Кто это тебя так изукрасил? — спросил он.

— Мистер Сэндерсон, сэр, мой хозяин. Он бил меня, и я удрал от него. Я не хочу больше служить в лавке, я хочу уехать в Индию!

— В Индию? — спросил Джон Уокер.

— В Индию, — повторил мальчик. — Я пошел в док, пролез вместе с грузчиками к вам на корабль и спрятался в трюме, среди мешков с углем. Я буду работать и днем и ночью, — умоляюще прибавил он, — я буду делать все, что вы прикажете, только возьмите меня с собой в Индию.

Джон Уокер улыбнулся впервые. А Генри захохотал.

— Ну, Джемс, здесь ты промахнулся, — сказал Генри. — Мы привезем тебя не в Индию, а всего только в Ирландию, в Дублин. В Индию на таких плоскодонных кастрюлях, как наша, не ходят! Правда, и «Геркулес» знал лучшие времена — в дни своей молодости он хаживал и в Берген, и даже в Кадикс, но в Индию... нет, до Индии он не добирался.

Джемс был огорчен. Он думал, что все корабли идут в

Индию. Так сказал ему два года назад его отец, безграмотный батрак. Джемс, впервые попавший в город, был поражен множеством кораблей, стоявших в гавани.

«Куда плывут все эти корабли?» – спросил он.

«В Индию, сынок», – не задумываясь, ответил отец.

И с тех пор мечта о путешествии в Индию на одном из таких кораблей не покидала мальчика...

Теплый, тихий вечер спустился над морем. Генри убеждал Джона принять мальчика на службу. Угрюмый Джон молчал, и только огонек его трубки разгорался все ярче и ярче.

– Юнга нам необходим, – повторил Генри. – Этот мальчик – просто находка. Старый Джэксон болен, где ему лазить по мачтам, а Дэвис занят у руля. И подумай, Джон, как дешево нам будет стоить этот мальчик!

– Ладно, попробуем, – наконец сказал старший брат.

Через минуту, положив мальчику на плечо свою тяжелую ладонь, он сказал:

– Ну, Джемс, принимайся за работу. Видишь вот тот парус? Он называется «мунсель». За ним уже нет ничего – только небо. Влезь на мачту и отвяжи его.

Джемс глянул вверх, и сердце его сжалось от страха.

Мунсель – самый высокий парус на корабле. Снизу он кажется не больше носового платка. Вот-вот сбитые им с неба звезды посыплются на палубу и засорят глаза.

Оба брата внимательно следили за мальчиком, который безмолвно смотрел вверх.

«Не полезет, где ему!» – думал Джон.

«Неужели не полезет?» – думал Генри, боясь, как бы этот мальчик, полюбившийся ему с первого взгляда, не оказался хвастуном и трусом.

Но Джемс Кук опустил голову и сказал:

– Слушаюсь, сэр!

И полез вверх по веревочным вантам.

Карабкаясь по вантам, Джемс ни разу не глянул вниз, на палубу. Но когда он добрался до мунсель-реи и сел на нее верхом, он почувствовал, что у него кружится голова и пальцы рук скользят по обмазанному жиром дереву. Мальчик выпрямился и глянул по сторонам. Он еще будет в Индии, хотя бы для этого пришлось долезть до самого неба!

Темнота скрывала от него море.

Рея, на которой сидел Джемс, как бы летела по воздуху. Из темноты вынырнула морская птица и принялась кружить вокруг Джемса. Когда «Геркулес» слегка менял курс, мачта так наклонялась, что Джемс повисал в воздухе.

Наконец канат был отвязан и сам выскоцкнулся из рук, завертев колесико блока.

Джемс нашупал ногой веревочную ступеньку вант и полез вниз.

– Я говорил тебе, что он годится в моряки, – сказал брату Генри Уокер.

– Да, из него выйдет толк, – согласился Джон, выпуская дым из-под усов. – Запиши ему жалованье – шесть шиллингов

гов в месяц.

Так Джемс Кук, великий мореплаватель, первый раз вышел в море.

Юнга превращается в капитана

Это был не такой юнга, как другие. Он не проводил свои свободные часы в карточной игре, он не напивался в кабаках. Нет, Джемс Кук после тяжелой работы, после лазанья по мачтам садился за книгу.

У Генри Уокера был целый сундук старых книг, и Джемс любил читать их. Больше всего ему нравились описания знаменных морских путешествий. Колумб, Магеллан, Абелль Тасман – вот кому он завидовал всей душой. Ему хотелось совершить такие же подвиги.

Индия больше не прельщала его. Она в то время была уже слишком хорошо известна. Его привлекало гигантское пространство, лежащее на восток от Индии, между Азией и Америкой, совсем еще неведомое европейцам. Там находился Тихий океан, величайший из земных океанов. Он так огромен, что, быть может, среди его необозримых вод расположены целые материки, населенные великими народами. И Джемс Кук решил во что бы то ни стало побывать в Тихом океане.

Для этого он стал изучать теорию мореплавания – науку, называемую навигацией. Вскоре Джон Уокер заметил, что

Кук знает морское дело лучше его самого. И когда Куку минуло двадцать два года, ему было поручено управление «Геркулесом». Его стали величать капитаном. Это был самый молодой капитан во всей Великобритании.

В 1755 году Англия объявила войну Франции. Кук был взят на военную службу. Как моряка, да еще капитана, его определили в военный флот и дали ему один из младших офицерских чинов. Почти все военное время он провел в Северной Америке, в Канаде, французской колонии, захваченной англичанами.

Но война мало занимала его. Большую часть своего пребывания в Америке он посвятил измерению и изучению фарватера реки Святого Лаврентия и обследованию берегов Ньюфаундленда. Он отоспал результаты своих трудов в Адмиралтейство, и его произвели в чин лейтенанта. Лондонское географическое общество сделало его своим членом. Через несколько лет после окончания войны он был уже командиром небольшого военного корабля.

В конце 60-х годов XVIII столетия весь европейский ученый мир интересовался предстоящим прохождением планеты Венера через диск Солнца. Высчитали, что это замечательное астрономическое явление произойдет 3 июня 1769 года. Наблюдать его можно было только в южной половине земного шара. Географическое общество решило послать в южные моря научную экспедицию для наблюдения за Венерой. Во главе этой экспедиции нужно было поставить чело-

века, который был бы одновременно и добросовестным ученым, и опытным моряком.

Выбор пал на капитана Джемса Кука.

Первое плавание. От острова к острову

Бэнкс

Местом наблюдения за Венерой избрали тихоокеанский остров Таити. Этот остров открыл в 1606 году испанский капитан Квирос. С тех пор моряки не раз видели его издали, но никто не высаживался на берег.

Ученые XVIII века не могли себе представить, что почти все Южное полушарие покрыто водой. Им казалось, что если бы вся суша находилась на севере, а все моря – на юге, то земной шар потерял бы равновесие и перевернулся. Это рассуждение, которое кажется теперь смешным и детским, в те времена считалось вполне разумным.

Особенно защищал его молодой талантливый географ Бэнкс. Узнав о предполагаемой экспедиции Кука, он произнес большую речь, которая впоследствии была переведена на все европейские языки.

«Америку открыли испанцы, – говорил Бэнкс. – Австралию – голландцы. Великий Южный материк, шестой материк нашей планеты, должен быть открыт англичанами! Нам стыдно не открыть его. Мысленно мы даже можем обозначить на глобусе место, где он находится, и мы должны ска-

зать капитану Куку: „Не возвращайтесь, не открыв Южного материка!“»

Решено было спросить Кука, что он думает по этому поводу.

— Я верю только в то, — сказал Кук, — что видел собственными глазами или что видели другие люди, которым можно доверять. Южного материка никто не видел, и я не могу знать, существует он или нет. Но я поплыву и посмотрю. Если Южный материк действительно существует, я его открою.

— Возьмите меня с собой! — предложил Бэнкс. — Я убежден в существовании Южного материка и хочу первым посетить его.

Адмиралтейство предоставило Куку небольшой, но отлично построенный военный корабль «Усердие». Кроме Бэнкса, на нем должен был плыть астроном Грин, которому поручено было вместе с Куком производить наблюдения за Венерой. На случай каких-нибудь болезней их сопровождал молодой доктор Монкрауз.

26 августа 1768 года «Усердие» вышло из Плимута, а полгода спустя обогнуло мыс Горн и вступило в Тихий океан.

Таити

10 апреля 1769 года с мачты был замечен остров Таити. Издали он казался темно-зеленым кустом, выросшим посреди голубого океана.

Меж курчавых лесов серебрились быстрые речки. Круглые холмики уходили вдаль, вырастая, нагромождаясь друг на друга, и, наконец, превращались в высокие горы.

— Глядите, сколько пожаров! — кричали матросы.

Но они ошиблись, пожаров не было. Это расцветали багряные цветы на деревьях. А немного отступая от берега, из прозрачных глубин подымался длинный розовый риф, омываемый снежно-белой пеной.

Вот из бамбуковых домиков, стоящих в тени кокосовых рощ, выскочили кофейные полуголые люди и побежали на берег встречать иноземцев. За ними по пятам мчались собаки.

Прежде чем бросить якорь, Кук собрал всю команду и обратился к ней с речью.

— Мы должны показать островитянам, — сказал Кук, — что мы их друзья, и они будут поступать с нами по-дружески. От торговли с ними мы гораздо больше выгадаем, чем от грабежа.

И он объявил, что всякий матрос, обидевший или обокравший островитянина, будет посажен в карцер. Особенно строгое наказание назначил он за стрельбу из ружей.

— Стрелять можно только в том случае, если островитяне первые нападут на нас, — говорил он. — Да и тогда нужно раньше постараться уладить дело без кровопролития.

Кук распорядился бросить якорь и разрешил съезжать на берег.

Таитяне встретили англичан испуганно и недоверчиво. За несколько лет до Кука на Таити побывал корабль, которым командовал некий капитан Уоллес.

Подойдя к острову, Уоллес без всякой причины начал пальять из пушек по деревне. Таитяне никогда не видели белых вблизи, однако знали, что корабли их несут смерть.

Но Кук решил во что бы то ни стало добиться дружбы таитян. Кук и Бэнкс нагрузились гвоздями, стальными топорами, красными тряпками, стеклянными бусами и сошли на берег. Они подзывали туземцев и, когда те испуганно подходили, дарили им свои сокровища. Тряпки и бусы привели таитян в восхищение. Топоров и гвоздей они сначала не брали, потому что никогда не видели железа и не знали, что с ним делать. Но, когда Кук срубил при них дерево и в две минуты починил гвоздями старую, развалившуюся пирогу, они стали считать железные вещи самой большой драгоценностью в мире и беспрестанно выпрашивали их у англичан.

Таитяне не раз приглашали Кука к себе в хижины. Хижины эти были сплетены из бамбука, как корзины, и формой напоминали перевернутую лодку. Окон в них не было. Для того чтобы пролезть в дверь, приходилось становиться на четвереньки.

Вся мебель таитян состояла из крохотных деревянных скамеек, которые они подкладывали под голову во время сна.

Очаг, на котором готовили пищу, помещался вне хижины,

на открытом воздухе. Его даже трудно было назвать очагом – скорее это был просто костер, обложенный камнями.

Бэнкс занялся изучением таитянского языка. Он знаками спрашивал, как называется тот или другой предмет, и ответы таитян записывал в книжечку. Таитяне поняли, чего от них хотят, отвечали очень охотно, и скоро у Бэнкса составился целый словарик. Мало-помалу Бэнкс и Кук стали уже понимать, о чем говорят между собой таитяне, и сами могли кое-как объясняться с ними.

Кук решил от имени Англии заключить союз с таитянами.

Он стал расспрашивать, есть ли у них какое-нибудь правительство. Таитяне ему ответили, что ими управляет королева Оберея, и Кук пожелал с нею повидаться. Он захватил с собою Бэнкса, и их повели в глубь острова. Там оказалось другое селение, немного побольше.

Дворец королевы ничем не отличался от остальных хижин. Он состоял всего из одной комнаты, в которой не было окон, – свет проникал через дверь.

Королева Оберея встретила Кука очень приветливо и беспрестанно хохотала. Вместо одной юбочки, которую носят все таитянские женщины, она носила четырнадцать юбок, надевая их одну на другую. Только по этим юбкам и можно было судить о ее высоком сане.

Кук торжественно заговорил о своей дипломатической миссии. Коверкая слова, помогая себе жестами, он попытался объяснить ей, что правительство Англии, великой замор-

ской страны, хочет заключить союз с правительством острова Таити. Цель союза – благодеяние обоих великих народов.

Оберей хотела над каждым словом капитана. Но скоро она догадалась, что Кук говорит о чем-то важном. Тогда она, путаясь в своих четырнадцати юбках, выбежала из дворца на двор и закричала:

– Тупия! Тупия!

Тупия был таитянским вельможей. Он пришел, седой, торжественный, и важно приветствовал гостей. Куку понравились его умные, честные глаза, и он изложил ему свое дело. Тупия слушал внимательно и серьезно. Он неодобрительно поглядывал на королеву, которая продолжала смеяться.

Когда Кук кончил, Тупия задумался.

– Мы согласны, – наконец вымолвил он. – Таитяне всегда будут друзьями англичан, если англичане не станут убивать таитян гремучими молниями со своих крылатых островов.

Кук смутился. Он сказал, что Уоллес просто разбойник, что английское правительство не одобряет его действий, хотя понимал, что правительство скорее одобрило бы Уоллеса, чем его самого.

Наконец союз был заключен. Кук подарил Тупии и Оберее несколько топоров и кучу разноцветных бус.

Приближалось 3 июня – день, когда планета Венера должна была пройти через солнечный диск. Астроном Грин с помощью матросов стал строить на берегу маленькую обсерва-

торию.

Когда обсерватория была уже почти готова, произошел случай, который чуть было не рассорил путешественников с таитянами.

Грин работал на берегу только до обеда и на остальное время для охраны обсерватории оставлял вооруженный отряд из тридцати человек под начальством лейтенанта Пикерсджила. Отряд этот скоро привык к миролюбию туземцев, и матросы, вместо того чтобы сторожить, бегали с таитянами наперегонки, играли в чехарду, хором распевали песни. Рузыя только мешали им, и они спокойно ставили их у стенки.

Как-то раз молодой таитянин подошел к ружьям и стал с любопытством их разглядывать. Они ему очень понравились, и он взял одно ружье в руки, чтобы лучше его рассмотреть.

— Положи! — крикнул ему лейтенант Пикерсджил.

Но таитянин не то не понял, не то просто не хотел слушаться и продолжал держать ружье в руках. Тогда лейтенант для остротки выстрелил в воздух.

Таитянин подпрыгнул и кинулся стремглав в лес, унося с собой ружье. Пикерсджил выстрелил ему вдогонку и убил его наповал.

Тотчас же собралась толпа. Убитого обступили со всех сторон. Мать причитала над ним. Отец требовал мести. И когда Кук, услыхавший выстрел, прибыл на берег, почти все таитяне были вооружены копьями и готовились к бою.

К счастью для англичан, на берегу оказался Тупия. Этот вельможа привязался к морякам, удивлялся их мудрости и неотступно ходил за ними. Теперь он взлез на камень и произнес речь.

Он долго и рассудительно говорил о том, как выгодно для таитян торговать с англичанами. Он искренне считал драгоценностями те стеклянные бусы, которые англичане давали таитянам в обмен на их товары.

— Этот убитый мальчик сам виноват, — говорил он. — Он совершил воровство и наказан по заслугам.

Толпа внимательно слушала Тупию и в конце концов согласилась с ним. Мирные отношения были восстановлены. Один только Кук остался при особом мнении. Он считал убийство молодого таитянина бессмысленным, жестоким поступком и посадил лейтенанта Пикерсджила в карцер.

3 июня Грин и Кук заперлись в обсерватории на целый день. Там было очень душно. Весь день чередовались они у стеклышка телескопа и записывали все свои наблюдения.

А тем временем Бэнкс бродил по острову и приглядывался к жизни таитян. Однажды он встретил несколько пьяных и заинтересовался, что за напиток опьянил их. Вскоре ему удалось это выяснить. На лугу сидело человек пятнадцать мужчин, и все они молчаливо жевали стебли какого-то растения. Когда стебель насквозь пропитывался слюной, они выжимали ее в одну общую глиняную чашку и потом с жадностью пили эту жижу, которую они называли кавой. Напившись,

они начинали петь и танцевать.

Таитянские весельчаки встретили Бэнкса очень приветливо. Они поднесли ему чашку с кавой и были очень удивлены, когда он отказался отведать этот напиток. Бэнкс сел в сторонке и стал прислушиваться к песням.

Они пели:

К нам из-за моря приплыли крылатые острова.

На крылатых островах живут белые люди.

У белых людей много драгоценных диковинок.

Есть у них красные ткани, краснее крови и прекраснее зари.

Есть у них светлые шарики, светлее солнца и неба, их надевают на шею.

Есть у них крепкие острые камни, которые превращают деревья в щепки.

Хорошо быть другом белого человека – он даст тебе много сокровищ.

Плохо быть врагом белого человека – он убьет тебя летучей огненной молнией.

Прислушиваясь к этим длинным, однообразным звукам, Бэнкс понял, что у таитян не было определенной, заранее придуманной песни. Они пели все, что им тут же приходило в голову. Сейчас они думали о белых людях – и белые люди появились в их песне.

Но больше всего на Таити наших путешественников поразили кладбища. Таитяне не зарывали своих мертвцевов в

землю. Они строили где-нибудь в дремучем лесу высокий деревянный помост и клали на него покойника, положив ему в одну руку каменный топор, а в другую – копье. Над ним сооружали бамбуковый навес, который предохранял труп от дождя. Хищные птицы в несколько дней съедали все мясо мертвеца и оставляли только скелет.

Англичане, бродя по острову, не раз натыкались на эти гробницы. Жители Таити боялись своих покойников и, чтобы умилостивить их, клали им в ноги кокосовые орехи и бананы.

Астрономические наблюдения были закончены. Кук решил покинуть Таити и отправиться дальше на запад, в неизвестные места, чтобы выяснить, существует ли Южный материк, и исследовать восточные берега Австралии.

Когда таитяне узнали, что их гости уезжают, они собрались большой толпой на берегу и громко рыдали. Но, конечно, эти рыдания вовсе не были вызваны искренним горем. Просто, по таитянским законам вежливости, гостей полагалось провожать плачем. Искренне горевал один только Тупия, крепко подружившийся с Куком.

– Послушай, Тупия, – сказал ему Кук, – поедем с нами. Ты объедешь весь мир, познакомишься с такими чудесами, какие тебе даже не снились. Я стану обращаться с тобой, как с братом, ты будешь жить в довольстве и в богатстве. А через несколько лет мы привезем тебя обратно. Соглашайся, Тупия, едем!

Тупия горько вздохнул.

— Я бы поехал с радостью, — сказал он, — но у меня есть племянник Тайето, двенадцатилетний мальчик, круглый сирота. На кого я его оставлю? Он умрет здесь без меня с голоду.

— Бери с собой своего племянника, — предложил Кук Тупии. — Я отдаю его в Англии в школу, и он станет образованным человеком.

И Тупия согласился. Вместе со своим кудрявым племянником он поселился в отдельной каюте, расположенной между каютами Кука и Бэнкса.

13 июля «Усердие» снялось с якоря и вышло в море.

Новая Зеландия

7 октября мореплаватели увидели зубчатую горную цепь, тянущуюся от одного края горизонта до другого.

— Ура! — закричал Бэнкс. — Южный материк!

— Это Новая Зеландия, открытая голландским путешественником Тасманом, — сказал Кук.

— Новая Зеландия — часть Южного материка. Я в этом совершенно уверен.

— Посмотрим, — сказал Кук. — Я не уеду отсюда, пока не занесу на карту все берега и не узнаю, материк это или остров.

Новую Зеландию открыл в 1642 году голландец Абель Тасман. Он видел лишь северный берег Новой Зеландии, и

поэтому никто не знал, велика ли открытая им земля. Вполне естественно было предположить, что Новая Зеландия – только часть какого-то огромного материка.

Два дня спустя «Усердие» бросило якорь в устье небольшой речки. Берега заросли дремучим, непроходимым лесом, над которым возвышались голые черные скалы. Чем дальше от берега, тем эти скалы становились выше и выше и, наконец, превращались в гигантские горы, покрытые вечными снегами.

Скоро показались и жители. Они были высоки ростом и мускулисты. Челюсти выступали вперед, и от этого лица казались свирепыми. Голые тела их были пестро размалеваны. В руках они держали длинные копья и топоры из хорошо отшлифованного зеленого камня.

Кук приказал спустить две шлюпки и отправился на берег вместе с Бэнксом и отрядом вооруженных матросов. Увидев приближающихся англичан, люди разбежались. Шлюпка, в которой сидел Кук, подошла к берегу. Кук поручил сторожить ее четырем юнгам и пошел в лес. Вторая шлюпка остановилась на полпути между берегом и кораблем.

Едва только Кук с товарищами скрылся в лесу, как на мальчиков набросились четверо новозеландцев. Они опрокинули их наземь и занесли над ними свои длинные копья.

Напавших заметили со второй шлюпки и для острастки дали залп в воздух. Пораженные грохотом, новозеландцы остановились, но, увидев, что выстрелы не принесли им ни-

какого вреда, снова кинулись на мальчиков.

Грянул второй залп, и один из новозеландцев был убит наповал. Его товарищи пустились бежать и скрылись в лесу.

Услышав выстрелы, Кук вышел из леса на берег, сел в свою шлюпку и отправился обратно на корабль.

Он был огорчен, что первая встреча с новозеландцами окончилась убийством. Вражда с ними могла только помешать исследованию этой земли. 9 октября, увидев на берегу взволнованную толпу, он немедленно отправился к ней под надежным прикрытием трех вооруженных шлюпок.

С Куком поехал и Тупия.

На этот раз при виде англичан новозеландцы не разбежались, но не решались и приблизиться. Тупия обратился к ним с речью на таитянском языке. И, к удивлению Кука, новозеландцы понимали его. Оказалось, новозеландский язык похож на таитянский. Кук очень обрадовался этому. Тупия облегчит ему сношения с жителями Новой Зеландии.

— Мы пришли к вам не с войной, а с миром, — говорил Тупия. — Нам нужно запастись у вас пресной водой и пищей. Но не бойтесь, мы ничего не возьмем у вас даром. Мы за все вам щедро заплатим. Вы получите от нас топоры из блестящего камня, который крепче ваших скал, — он потряс над головой стальным топором, — драгоценные шарики, которые сделают вас всех красивыми, — он показал стеклянные бусы, украшавшие его грудь, — и красную одежду, в которой не страшен самый сильный ночной холод.

Новозеландцам понравилась речь Тупии, и они, осмелев, стали подходить к странным заморским людям. Кук встречал их приветливо, каждому дарил по нитке бус и уговаривал ехать к себе на корабль.

Казалось, все шло отлично.

Но вдруг один из новозеландцев, подойдя к астроному Грину, вынул у него из ножен кинжал и бросился бежать. Грин выстрелил ему в спину дробью. Но новозеландец был уже довольно далеко, и дробь не причинила ему вреда. Кук уговаривал Грина уступить кинжал удравшему и не устраивать напрасного кровопролития. Но в эту минуту выстрелил доктор Монггауз и убил убегавшего наповал. Грин подошел к убитому и взял у него свой кинжал.

Новозеландцы перешли в наступление. В боевом порядке, потрясая топорами, они двинулись на англичан.

Матросы дали залп.

Несколько новозеландцев упало. Остальные бросились в реку и переплыли на другой берег.

Кук, увидев, что ему и на этот раз не удалось поладить с новозеландцами, решил вернуться на корабль.

Шлюпки двинулись к кораблю. Навстречу им мчались две новозеландские пироги, направлявшиеся к берегу.

Одна пирога прошла мимо. Но другая отважно приблизилась к шлюпкам.

Тупия попробовал вступить с новозеландцами в переговоры.

— Не бойтесь! — кричал он им. — Мы не сделаем вам ничего худого!

— Мы не боимся! — ответили новозеландцы, и семь копий полетели в англичан.

Двое матросов были слегка ранены.

— Собаки! Бей их! — крикнул кто-то.

Грянул залп, и четверо новозеландцев с пристреленными черепами упали на дно своей пироги.

Куку стоило большого труда заставить рассвирепевших моряков не пристреливать трех остальных. Их взяли в плен и отвезли на корабль.

Куку угостил их, напоил сладкой настойкой, подарил им бусы, ткани и топоры. Но пленники ко всему относились враждебно, с Тупией разговаривать отказались и, когда их вечером отвезли на берег, стали швырять камнями в отплывавшую шлюпку.

Они любили свою землю и не доверяли могущественным иноземцам.

Материк или остров?

Куку решил, что оставаться здесь дольше бессмысленно, и направился вдоль берега к северу. Всей команде хотелось поскорее узнать, открыли ли они Южный материк, или Новая Зеландия всего только один из бесчисленных островов Тихого океана.

Дули встречные ветры, и «Усердие» медленно подвигалось вперед. На берег мореплаватели съезжали только за водой и избегали встреч с новозеландцами. Но издали видели деревни и маленькие деревянные крепости, которые новозеландцы называют «и-пу». Эти крепости с высоким бревенчатым частоколом строились на вершинах скал.

По ночам корабль бросал якорь в бухтах, которых здесь было множество, и тогда на берегу собирались новозеландцы, жгли костры, плясали военные пляски и проклинали чужеземцев. Англичанам этот шум мешал спать, но в конце концов они привыкли к нему. Одного только Тупио продолжали волновать угрозы, и он каждый вечер обращался к новозеландцам с речью.

— Сойдите на берег, и мы вас всех убьем! — кричали ему в ответ новозеландцы.

— Мы не хотим с вами спорить, — рассудительно отвечал Тупия. — Берег ваш. Но по какому праву вы оскорбляете нас здесь, в море? Море и не наше и не ваше. А сражаться с вами мы не хотим. У нас нет никакого повода к ссоре.

Однажды подобными речами он до того разозлил новозеландцев, что они решились на чрезвычайно дерзкую выходку. Пользуясь ночной темнотой, к «Усердию» подошла пирога, и несколько воинов взобралось на палубу. Они хотели убить Тупио, но, по счастию, он зачем-то спустился вниз. Не найдя Тупии, они схватили его племянника Тайето, швырнули его в пирогу и понеслись к берегу. Тайето заплакал. Его

плач услышали стоявшие на вахте матросы и начали стрелять. Меткий выстрел повалил одного из похитителей. Маленький таитянин воспользовался замешательством, прыгнул в воду и поплыл к кораблю. Через минуту он уже был в объятиях своего дяди.

Обогнув самый северный мыс Новой Зеландии, «Усердие» направилось к югу вдоль западного побережья. Эта часть страны была слабо населена, жители здесь казались дружелюбнее, и путешественники могли свободно гулять по берегу. Во время одной из таких прогулок Кук и Бэнкс взобрались на вершину высокой горы. Весь край лежал перед ними.

— Глядите! — вскричал Кук. — Нас со всех сторон окружает вода. Мы на острове! Где же ваш Южный материк?

Бэнкс обвел горизонт пристальным взором. И вдруг на юге, за узкой полоской воды, он увидел покрытые снегом горные пики.

— Да, мы на острове, — сказал он, — но этот остров только с трех сторон окружен океаном. С четвертой стороны — узкий пролив. А за проливом — Южный материк.

Кук подумал, что Бэнкс, может быть, и прав.

Что, если этот остров находится на таком же расстоянии от Южного материка, как Англия от Европы?

На корабле рассказ Бэнкса о том, что они с горы видели пролив, за которым лежит какая-то большая гористая страна, переполошил всех. В том, что это Южный материк, никто

не сомневался. И Кук почувствовал, что он тоже заражается этой общей верой.

«Усердие» на всех парусах понеслось к югу. 8 февраля 1770 года оно вошло в пролив. Кук предложил назвать его проливом Бэнкса.

— Бэнкс первый заметил его с горы, — говорил он.

Но Бэнкс наотрез отказался. Он хотел, чтобы пролив был назван проливом Кука, а так как к этому требованию присоединилась вся команда, то Куку пришлось согласиться.

Берега пролива Кука были густо заселены. Новозеландцы, завидев корабль, собирались толпами и швыряли в воду тучи копий и камней.

Но Кук не останавливался. Пройдя пролив и снова попав в океан, он повернул на юг и пошел вдоль восточного берега этой неведомой земли.

Ветер дул попутный, и корабль мчался на всех парусах. Жителей не было видно. Эта страна казалась еще мрачнее, чем тот остров, который мореплаватели обошли кругом. Исполинские горы загромождали ее и подходили к самому побережью. Долин не было — узкие ущелья отделяли одну гору от другой. Слоны гор покрывал темно-зеленый пушок — это были дремучие леса, — а на вершинах сверкали снега.

9 марта берег круто повернул направо, на запад, а 10-го сделал еще один поворот, на север. Значит, это тоже остров. Пройдя вдоль его западного берега, «Усердие» вернулось к проливу Кука.

— Надеюсь, Бэнкс, — сказал Кук, — вы теперь убедились, что Новая Зеландия к Южному материку никакого отношения не имеет. Она состоит из двух больших островов...

— Знаю, знаю! — перебил его Бэнкс. — Северный остров открыт Тасманом, а южный — вами. Но откуда вы знаете, что Южный материк не лежит к югу от южного острова?

Кук задумался.

— Нет, — наконец сказал он. — Этого не может быть. Вы заметили, какие длинные и ровные волны бьют в южный мыс Новой Зеландии? Такие волны могут идти только из открытого океана. Всякий опытный моряк скажет вам, что там вблизи нет никакой земли.

Австралия

Покинув Новую Зеландию, Кук продолжал свое путешествие на запад.

Перед ним стояла еще одна важная задача — исследовать восточное побережье Австралии. О ее южном и западном берегах было уже кое-что известно благодаря Абелю Тасману и некоторым другим голландским мореплавателям. Но восточный берег все еще оставался полной загадкой для европейцев. Предполагали, что он расположен где-то совсем неподалеку от Новой Зеландии.

Но «Усердие» плыло на запад неделю за неделей, не встречая никакой земли. И только месяц спустя после отплытия

из пролива Кука, 19 апреля 1770 года, мореплаватели увидели вдали узкую полосу берега. Австралия оказалась гораздо меньше, чем предполагали европейские ученые. От Новой Зеландии ее отделяло громадное водное пространство.

Кук нашел хорошую бухту, бросил якорь, спустил шлюпку и поплыл к берегу. На берегу стояло человек сорок, голых, с черной кожей.

На корабль они не обращали никакого внимания, но, увидев приближающуюся шлюпку, разбежались. Только два смельчака с длинными деревянными копьями в руках остались на берегу. Они кричали что-то воинственное и угрожающее. Кук подивился их храбрости – в шлюпке было пятнадцать человек. Он знаками объяснил, что у белых самые мирные намерения, что они хотят только набрать пресной воды. Но два упрямых австралийца ничего не желали слушать. Набрав камней, они стали швырять их в шлюпку. Боцман, слегка задетый камнем, выстрелил в одного из австралийцев дробью и попал ему в ногу.

Австралийцы убежали, но когда белые высадились, они снова появились из леса, держа в руках большие деревянные щиты. Напрасно Кук бросал им гвозди и бусы. Они не обращали на подачки никакого внимания и не унимались. Только новый выстрел дробью принудил их оставить моряков в покое.

С тех пор Кук мог беспрепятственно ходить всюду, куда ему вздумается. Он размышлял, нельзя ли в Австралии по-

селить английских колонистов. Он исследовал почву и увидел, что она черноземна и может давать отличные урожаи. Высокие тучные травы, казалось, только и ждали, чтобы пастухи выгнали на них скот. В океан впадала многоводная река, в которой водилась вкусная рыба. Леса были редкие, но деревья – главным образом эвкалипты – поражали своей высотой и толщиной. Воздух звенел от птичьих голосов, а на прибрежном песке были видны следы каких-то животных. Кук усердно исследовал страну и был очень доволен своими открытиями.

Одно не удавалось ему – завязать сношения с жителями. Случайно встретив их в лесу, он пробовал заговорить с ними, но они разбежались при его приближении. Поймав двух маленьких девочек, он с ног до головы увесил их разноцветными бусами, надеясь этим привлечь к себе австралийцев. Но когда девочек отпустили, они побросали все бусы на землю и убежали. Тогда он стал оставлять топоры и гвозди в тех местах, где часто бывали австралийцы. Но те и не притрагивались к этим драгоценностям.

Запасвшись пресной водой, «Усердие» снялось с якоря и направилось вдоль берега к северу.

Это было скучное плавание. Австралия очень однообразна. Ровная гряда невысоких гор скрывала горизонт. Горы эти напоминали Куку горы Южного Уэлса в Англии, и он назвал весь этот край Новым Южным Уэлсом. Кук старательно составлял подробную карту австралийских берегов и заносил

на нее каждый мыс, каждый залив, каждый прибрежный островок.

25 мая они прошли тропик Козерога и вступили из умеренного пояса в тропический. Несколько дней спустя Бэнкс, гуляя по берегу, увидел странное большое животное, у которого на животе был кожаный мешок. Это был кенгуру, до тех пор никогда еще не виданный европейцами. В кожаных мешках на животе кенгуру носят своих детенышней.

Плавание вдоль австралийских берегов было довольно утомительно, но пока вполне благополучно. Никто из моряков и не подозревал, какая их всех подстерегает опасность.

На краю гибели

— Сто двадцать! Сто восемнадцать! Сто двадцать три! — кричал матрос, измерявший лотом глубину.

Вот уже шесть часов «Усердие» шло среди отмелей и подводных скал и никак не могло из них выбраться. Экипаж измучился от ежеминутной перемены курса, от постоянной борьбы с ветром, который то и дело нес корабль на клокочущие буруны.

Но в десять часов вечера лот перестал доставать до дна, и все вздохнули свободнее. Кук отдал распоряжение идти в открытое море и спустился к себе в каюту.

Через полчаса матрос, все еще продолжавший безуспешно отыскивать лотом дно, вскрикнул от ужаса.

– Сто семь футов! – объявил он.

И, раньше чем ему удалось снова закинуть лот, раздался пронзительный скрип, потом треск ломающегося дерева, и «Усердие» остановилось. Паруса в последнем усилии надулись гигантскими пузырями и склонили судно набок. Правый борт почти касался воды.

Через полминуты Кук уже стоял на покатой палубе.

– Все паруса долой! – приказал он.

Паруса убрали, но судно не выпрямилось. Оно застряло в расщелине подводного рифа. Камни впились в его деревянные бока, и нелегко было вырваться из этой клешни.

К Куку подошел доктор Монггауз.

– Подождите прилива, сэр, – сказал он. – Прилив подымет и освободит нас.

– Сейчас самая высшая точка прилива! – крикнул Кук. – Дальше может быть только отлив.

Монггауз понял, что попал впросак. Но Кук сразу забыл опрометчивого доктора. «Надо облегчить корабль во что бы то ни стало», – думал он.

И приказал:

– Пушки за борт!

Девять пушек кинули в море. Брызги взлетели до верхушек мачт. Но «Усердие» даже не шелохнулось.

– Выливайте пресную воду! – крикнул капитан.

Бочки были выволочены на палубу, и с таким трудом добытая питьевая вода полилась в море. Но уже начался отлив,

исчезла всякая надежда освободиться до дневного прилива.

Весь ужас своего положения мореплаватели поняли только утром, когда рассвело. С каждой набегающей волной корабль терся о камень и медленно разрушался. Кругом плавали обломки киля и обшивки. Стоило ветру чуть-чуть окрепнуть, и через двадцать минут от «Усердия» остались бы одни щепки.

Кук послал в трюм плотника. Он опасался, нет ли в днище сквозной пробоины. Плотник вернулся с побледневшим лицом и сказал:

— Сэр, там вода!

«Началось!» — подумали моряки, но никто не произнес ни слова.

Кук сам спустился в трюм. Ящики и пустые бочонки плавали в черной воде, медленно, почти незримо, подымаясь.

— К помпам! — крикнул Кук и ушел в свою каюту.

Заскрипели две помпы, выливая в море мутные струи. Матросы разделились на три команды, которые качали воду поочередно.

Пришел долгожданный дневной прилив, но не принес освобождения. Он оказался слабее ночного и только слегка приподнял корму судна.

В шесть часов уровень воды в трюме снова начал подыматься, и пришлось поставить третью помпу. Четвертая помпа, запасная, оказалась испорченной. Кук приказал выбросить ее за борт.

Моряки были измучены. Команды, работавшие у помп, принуждены были меняться каждые семь минут. Офицеры становились на место падавших от утомления матросов и работали наравне со всеми. Никто не роптал. Каждый чувствовал, что от этого мучительного труда зависит его собственное спасение.

Когда стемнело, к Куку подошел Бэнкс.

– Вы надеетесь сняться со скалы? – спросил он.

– Надеюсь, – ответил Кук. – Ночью прилив будет очень высок.

– Австралийский берег находится в восьми милях от нас, – сказал Бэнкс. – Сможет ли «Усердие» добраться до него с такой огромной пробоиной в днище? Сейчас скала застыкает дыру, как пробка, но когда мы освободимся...

Кук молчал.

– В шлюпках поместится не больше половины команды, – продолжал Бэнкс. – Остальные обречены на гибель. Что мы будем делать?

– Что мы будем делать? – переспросил Кук. – Вы да я? Мы останемся на корабле.

Но Кук знал, что это не выход из положения. Матросам тоже не поместиться на шлюпках.

А что ожидает тех, кому удастся добраться до австралийского берега? Одинокая жизнь вдали от родины и близких. Впрочем, будь что будет. А пока надо работать.

Кук подошел к помпе, расстегнул ворот рубашки и стал

вместе с изнемогавшими матросами выкачивать воду. Теперь команды менялись уже каждые пять минут. И когда приходила смена, кончившие работать падали от усталости и лежали, не двигаясь, пока снова не наступала их очередь.

Начался прилив. Уровень воды достиг уже высшей точки дневного прилива и все еще продолжал подыматься. Все шлюпки были спущены на воду и привязаны канатами к корне корабля, чтобы попытаться стянуть его со скалы.

Вода подымалась все медленнее и медленнее. Корабль зашевелился и стал оживать.

Ура! Палуба выровнялась, «Усердие» плавно закачалось на волнах.

Все весла шлюпок с плеском опустились в воду. Канаты натянулись, и корабль, пятясь задом, слез со скалы. Теперь под ним глубина. Они свободны!

Мигом были поставлены все паруса. Но ветра почти не было, и гигантские полотнища повисли, как мешки, чуть-чуть колыхаясь. Корабль медленно пошел к берегу.

Первые десять минут моряки были в восторге. Они радостно обнимали друг друга. Даже помпы застучали веселее. Но вскоре стали замечать, что корабль как-то странно осел, что с палубы поверхность моря уже не кажется такой далекой, как раньше, и, заглянув в трюм, поняли безвыходность своего положения.

— Сэр, — сказал доктор Монггауз, подходя к Куку, — через четверть часа вода начнет заливать каюты.

— Я это знаю сам, — ответил Кук.

— Сэр, — продолжал Монггауз, — я придумал, как заткнуть пробоину.

Доктор рассказал свой план Куку, и через минуту на палубе разостлали огромный старый парус. Доктор вымазал его липким навозом. Навоза набрали несколько ведер в хлеву, где жили купленные на Таити свиньи. Поверх навоза густо набросали паклю и, когда она присохла, сбросили расплывчатый парус за борт. Парус мигом был подтянут под корабль. Пробоина присосала его к себе, и течь была остановлена. Помпры продолжали работать, и палуба начала медленно подыматься.

На рассвете «Усердие» бросило якорь в устье большой реки.

Пожар

Но несчастья путешественников еще не кончились. Корабль оказался в гораздо худшем состоянии, чем предполагали. Заделать пробоину было мало — все днище до того стерлось, что местами было не толще сапожной подошвы.

В довершение всего на корабле появилась цинга. Цинга — это болезнь, которая происходит от недостатка свежей пищи. Со дня отплытия из Новой Зеландии моряки не ели ничего, кроме морских сухарей и солонины. Мучительная ночь, проведенная на подводном камне, окончательно подорвала

их силы. Особенно мучился Тупия. Он, с детства привыкший к сырым фруктам, не мог больше видеть соленого мяса и сухого хлеба и еле волочил ноги.

Кук тотчас же послал экспедицию за плодами, овощами и дичью. Но, увы, эта часть Австралии оказалась совсем бесплодной. Пески, сухая трава да увядший от зноя и безводья лес. Экспедиция вернулась, не найдя ничего, кроме гигантского морского слизняка.

Многочисленные следы босых человеческих ног на песке показывали, что земля эта обитаема. И действительно, вскоре возле раскинутых на берегу палаток показалось несколько австралийцев, точно таких же, как те, которых наши путешественники видели раньше. К англичанам они отнеслись без всякого любопытства. Кук им дарил бусы, топоры и ткани, но они тотчас же швыряли все эти подарки на землю, не видя в них никакой ценности. Ценным они считали только то, что можно есть. Еду они ставили выше всего на свете.

Из-за еды у них произошла ссора с белыми, которая едва не стоила жизни Куку и его товарищам.

Вот как это случилось.

Однажды некоторым матросам посчастливилось убить двух огромных черепах. Кук очень обрадовался. Он думал, что свежее мясо поможет цинготным больным, и приказал зажарить черепах на обед. Вдруг австралийцы, ни слова не говоря, схватили одну черепаху и потащили ее в лес. Но черепаха тотчас же была у них отнята. Австралийцы были

очень удивлены и объяснили, что им хочется есть. Кук приказал накормить их сухарями, которых на судне было вдоволь. Австралийцы досыта наелись сухарей. Сытые и сонные, они встали, снова взвалили себе на спину черепаху и медленно побрали к лесу.

Это рассердило и рассмешило англичан. Черепаха была отнята вторично. Австралийцы обиделись. Подбежав к костру, на котором плотник варил смолу для конопачения судна, они схватили горящие головни и принялись поджигать траву вокруг лагеря.

Кук приказал стрелять. Но было уже поздно. Высокая сухая трава горела, как порох. Морской ветер вздувал пламя, и оно горячим кольцом обступало мореплавателей.

— К воде! На корабль! — вскричал Кук.

Но все уже и без приказания со всех ног неслись к берегу.

Пламя не отставало от них ни на шаг. И только слегка задержавшая огонь песчаная дюна дала им возможность вовремя прыгнуть в воду.

Через пять минут они были уже на корабле, в полной безопасности.

А пламя продолжало с необыкновенной быстротой распространяться по всему побережью. Горели поля, рушились столетние эвкалипты в лесах. Огонь переливался из ложбинки в ложбинку, а вечером, когда стемнело, медленно полез вверх по лесистым склонам далеких гор. К утру пожар дошел до горизонта.

Четверо суток мореплаватели сидели на корабле, разглядывая океан огня, опустошающий всю страну.

— Безумцы! — говорил Бэнкс, вспоминая австралийцев, которые из-за одной черепахи натворили столько бед. — Ведь они и сами заживо сгорели!

Но, когда клубы дыма рассеялись, Кук через подзорную трубу увидел далеко в море несколько связанных вместе бревен, на которых мирно сидели австралийцы с удочками в руках.

Беспримерное плавание

Наконец «Усердие» кое-как починили. Надо было собираться в путь.

К сожалению, Кук не мог и думать о немедленном возвращении в Англию. Измученная команда не вынесла бы такого длинного путешествия, да и корабль требовал хорошего, настоящего ремонта. Кук решил добраться до ближайшего места, где жили европейцы, — до города Батавии в голландской колонии на острове Ява.

Чтобы снова не сесть на риф, в море послали шлюпку с поручением составить карту всех мелей и подводных скал. Шлюпка вернулась только через два дня и привезла безрадостные вести.

Оказалось, что вдоль всего восточного берега Австралии тянется подводный барьер из коралловых рифов, загражи-

вающий путь в открытое море. Этот барьер, как тюремная стена, отрезал их от всего мира.

Началось беспримерное в истории путешествий плавание. Триста шестьдесят миль прошли мореплаватели, ежеминутно измеряя дно лотом. Корабль двигался на север по узкому проходу между берегом Австралии и коралловым рифом. Беспрестанные мели до того истрепали «Усердие», что все его старые раны открылись. Воды прибывало в трюме на девять дюймов в час, и большая цингой команда должна была днем и ночью работать у помп.

Но, когда наконец они обогнули коралловый барьер, перед ними встала не менее трудная задача: берега Новой Гвинеи преградили им путь. А в те времена не знали, является ли Новая Гвинея островом или составляет часть Австралийского материка. Если бы оказалось, что Новая Гвинея составляет часть Австралийского материка, им пришлось бы огибать и Новую Гвинею. Это очень удлинило бы их путь, и Кук решил попытаться поискать пролива между Новой Гвинеей и Австралией.

К счастью, этот пролив был найден, и две недели спустя «Усердие» уже плыло среди островов Индонезии.

Тут легко было достать фрукты, и цинга стала проходить. Но на корабле появилась другая страшная болезнь – малярия. Корабль стал похож на госпиталь. Здоровые были до того истощены, что у них не хватало сил ухаживать за больными. К довершению несчастья, хирург Монкрауз, единствен-

ный врач на корабле, сам заболел малярией и через несколько дней умер.

Тупия и его племянник Тайето не вставали с постели. Опасались и за жизнь Бэнкса. Только необыкновенная сила воли поддерживала Кука. Почти каждую ночь выбрасывали за борт нового мертвеца.

И когда наконец «Усердие» вошло в гавань Батавии, некому было убрать паруса.

Батавия – это большой город на острове Ява, который сейчас называется Джакартой и является столицей Индонезийской республики. Во времена Кука остров Ява, как и вся Индонезия, был захвачен Голландией, и города на нем носили голландские названия. С радостью смотрели измученные путешественники на двухэтажные каменные дома, на мощеные улицы, на высокие церкви. Вся команда покинула «Усердие» и поселилась в лучшей гостинице города. Их корабль, так доблестно боровшийся с бурями и мелями, был отдан для ремонта на хорошую верфь.

Тупия, почувствовавший себя немного лучше, гулял по городу и с достоинством ко всему приглядывался. Он помнил, что был у себя на родине важным человеком, и не хотел показывать чужеземцам свое удивление. Но по лицу его Кук видел, как он глубоко потрясен великолепием и грандиозностью города.

– Почему здесь все одеваются по-разному? – спросил он однажды Кука.

— Потому, что сюда съехались люди из разных стран, — ответил Кук, — а в разных странах — разная одежда. У голландцев одни наряды, у малайцев — другие, у англичан — третья.

— Я тоже хочу быть одетым, как одеваются на моей родине, — сказал Тупия, снял подаренный ему матросский костюм и облачился в свои таитянские одежды.

Одно не нравилось ему: жестокое обращение белых со своими рабами — малайцами.

— Неужели и с таитянами вы сделаете то же самое? — спрашивал он, глядя, как здоровенный голландец погоняет кнутом четырех рабов, впряженных в тяжелую телегу.

Первое время после прибытия в Батавию все больные чувствовали себя легче. Но несколько дней спустя малярия возобновилась. Каждый день уносила кого-нибудь смерть. Умер маленький Тайето. А за несколько дней до отплытия из Батавии умер и Тупия. Ему не довелось увидеть Англию, в которую он так стремился.

Дальнейший путь «Усердия» пролегал по хорошо уже известным морям. Обогнув южную оконечность Африки — мыс Доброй Надежды, — наши путешественники вошли в Атлантический океан и 12 июня 1771 года, после почти трехлетнего отсутствия, прибыли в Англию.

Второе плавание. Поиски южного материка

Снова в путь

Имя Кука облетело всю Англию. Статьи о нем появились во всех газетах. Книги с описанием его путешествия покупались нарасхват и переводились на иностранные языки.

Весь ученый мир переполошился. Астрономы обсуждали его наблюдения над прохождением Венеры через диск Солнца; ботаники – привезенные им травы; зоологи – виденных им в Австралии животных; геологи – вопрос об образовании тихоокеанских островов; этнографы – язык и обычаи новозеландцев.

Но больше всех волновались географы. Давно уже не получали они столько драгоценных сведений. Определение берегов Австралии и Новой Зеландии сразу заполняло огромное белое пятно, украшавшее в то время все европейские карты. А пролив между Новой Гвинеей и Австралией – разве это не грандиозное открытие!

Однако особенно удивило ученых то, что Кук не нашел Южного материка. Южный материк, по их мнению, должен был находиться именно в тех самых широтах, которые посетило «Усердие».

Заседания Лондонского географического общества были похожи на бурю.

– Южного материка не существует! – утверждали одни. – Капитан Кук доказал это с полной очевидностью!

– Южный материк существует! – утверждали другие. – Без него земной шар потерял бы равновесие и свалился бы набок. Но Южный материк расположен южнее тех мест, которые посетил капитан Кук. Если бы этот храбрый путешественник догадался, покинув Новую Зеландию, взять курс на юг, его имя было бы теперь знаменитее имени Колумба.

Английскому правительству во что бы то ни стало хотелось открыть этот неведомый Южный материк. Мало ли какие богатства могли таить его горы, мало ли какую выгоду можно было извлечь из торговли с его обитателями!

И Адмиралтейство решило послать новую экспедицию, поручив ей проникнуть как можно дальше к югу. Единственным человеком, который мог стать во главе такой экспедиции, был капитан Кук.

На этот раз ему дали не один корабль, а два, причем каждый из них был больше «Усердия». Первый из этих кораблей, на котором должен был плыть сам Кук, назывался «Решением», а второй, находившийся под командой подчиненного Куку капитана Фюрно, – «Отвагой».

Куку поручили обойти вокруг земного шара, стараясь держаться возможно ближе к Южному полюсу. А зимой, когда ему волей-неволей придется возвращаться к тропикам,

он может продолжать свое исследование тихоокеанских островов.

Новые спутники должны были сопровождать Кука в этом плавании, так как хирург Монкгауз и астроном Грин умерли в пути, а здоровье Бэнкса навсегда было подорвано злокачественной малярией, которой он заболел у островов Индонезии.

Теперь с Куком плыли два естествоиспытателя – отец и сын Форстеры, два астронома – Уэлс и Бэйли и художник Вильям Годжс, взятый для того, чтобы зарисовывать обитателей дальних стран. Кук особенно подружился с младшим Форстером, молодым талантливым ученым.

13 июля 1772 года «Решение» и «Отвага» вышли из Плимута, 29 октября они прибыли к мысу Доброй Надежды, южной оконечности Африки.

На мысе Доброй Надежды Форстер-сын встретил шведа – ботаника доктора Спармана, который занимался изучением южноафриканской растительности.

Форстер предложил ему примкнуть к экспедиции Кука, и Спарман с удовольствием согласился. Таким образом, на «Решении» появился новый пассажир, чрезвычайно полезный своими научными познаниями.

Ледяные горы

Прикупив съестных припасов и дав отдохнуть матросам,

Кук покинул Африку и пошел прямо на юг.

С каждым днем погода становилась все холоднее и пасмурнее. Начались дожди, которые мало-помалу сменились снегом. 10 декабря под 50° 40' южной широты были встречены первые плавучие льдины.

Многие из этих льдин были необычайно велики. Однажды «Решение» чуть было не столкнулось в тумане с ледяной горой, которая была в четыре раза выше самой высокой его мачты. Столкновение с подобной льдиной неминуемо кончилось бы гибелью судна.

Отважные мореплаватели, напряженно взглядываясь в беспространную пелену падающего снега, продолжали свой путь на юг.

Кук заметил, что все ледяные горы плывут с юга на север, несмотря на то что ветер дует северный. Это заинтересовало его, и он стал предполагать, что их несет какое-то сильное морское течение. Форстер-отец и астроном Уэлс вызвались измерить скорость этого течения.

Захватив с собой измерительные инструменты, они вдвоем сели в шлюпку и отъехали от корабля. Волны бросали шлюпку, как мячик. Липкий снег застипал им глаза. Но они мужественно работали.

— Где «Решение»? — внезапно спросил Уэлс, поднимая голову.

Форстер поглядел по сторонам. Действительно, «Решение» нигде не было видно. Всюду, куда ни кинешь взор, плы-

ли льдины. Они обступили шлюпку кругом.

— «Решение» вон за той ледяной скалой, — сказал Форстер. — Эта громада заслонила от нас корабль. Придется обойти ее.

Они налегли на весла. Вот льдина обойдена. Но за ней, чуть-чуть раскачиваясь, оплескиваемая волнами, плывет вторая такая же.

Где же «Решение»?

Они обогнули и вторую льдину, и третью, и четвертую. Мудрено ли потеряться в этом безмерном движущемся одновременно лабиринте?

Корабль исчез бесследно.

Они гребли с лихорадочной торопливостью. Несмотря на холодный, пронизывающий ветер, пот катился по их спинам.

Проходили часы. Весла уже выпадали у них из рук.

Наступили сумерки. Уэлс лег на дно лодки животом вниз и закрыл глаза. Одни, без пищи, в неведомом бушующем океане!

Но вот сквозь сумрак до них донесся далекий, еле слышный звон. Они вскочили и схватили весла. Льдину за ледяной огибали они, крича в летящий снег, в ветер. Уже опять не хватает сил грести, уже из горла рвется хрип, а не крик...

Перед ними черная корма «Отваги»!

Капитан Фюрно напоил полумертвых от усталости и холода ученых горячим пуншем и уложил спать.

14 декабря льды сомкнулись перед кораблями. Смерзши-

лся глыбы превратились в холмистое ледяное поле и преградили дальнейший путь на юг.

В течение двух недель Кук пытался обогнать это поле то с востока, то с запада, но безуспешно. В ледяном поле не было ни одного прорыва, ни одного канала. Быть может, Южный материк находится еще южнее, за этими льдами. Но доступ к нему был невозможен.

Кук повернул на север и направился к далекой Новой Зеландии. Если ему удастся запастись там провизией, можно будет посвятить зиму исследованию тропической части Тихого океана. А следующим летом ему хотелось снова вернуться на юг и попытаться проникнуть как можно дальше к полюсу. Нужно же в конце концов либо открыть Южный материк, либо доказать, что он не существует.

Когда они уже выбрались из льдов, случилась новая неприятность: Кук перестал видеть «Отвагу». Корабли носко разошлись в океане. Напрасно «Решение» бороздило волны взад и вперед, напрасно палили из пушек.

Впрочем, Кук не очень беспокоился. Он знал, что капитан Фюрно пойдет в Новую Зеландию и подождет его в проливе Кука.

Страшные слухи

Наступил март. Март в Южном полушарии – осенний месяц. Кук торопливо шел к северу, убегая от полярной зимы.

25 марта 1773 года мореплаватели заметили берег Новой Зеландии. Они покинули Африку около пяти месяцев назад. Почти полгода провели в океане, не видя суши.

«Решение» бросило якорь в удобной бухте, расположенной на юго-западном углу южного острова Новой Зеландии. Кук назвал ее Мрачной.

Но Мрачная бухта оказалась мрачною только с виду. Для измученных путешественников она была раем. Отыскав удобную якорную стоянку, Кук тотчас же разделил матросов на отряды охотников, рыболовов и ботаников. Охотники отправились в лес за дичью, рыболовы закинули сети, а ботаники под начальством обоих Форстеров разбрелись по берегу в поисках растений, пригодных для пищи.

Новозеландцев на берегу было мало, и, должно быть, поэтому они отнеслись к англичанам весьма миролюбиво. Их вождь приехал вместе с дочерью на корабль и в знак учтивости непременно хотел вымазать голову Кука каким-то воюючим желтым жиром. Куку стоило огромного труда увильнуть от этой любезности, но тогда настойчивый вождь стал приставать к офицерам, и добросердечный швед Спарман, не умевший никому ни в чем отказывать, кротко предоставил ему свою голову; вождь расщедрился и под хохот всей команды вымазал его с ног до головы.

Рыбы наловили множество, набрали всяких дикорастущих овощей, но дичи не нашли, и охотники вернулись ни с чем. В этих густых лесах не было зверей, и даже птиц, годных

в пищу, было мало. Новозеландцы жили впроголодь. Они промышляли рыболовством, но сети их были так плохи, что и рыбы им не хватало.

18 мая «Решение» снялось с якоря и направилось в пролив Кука, где, по условию, его должна была дожидаться «Отвага». Путешествие вдоль берегов южного острова Новой Зеландии было вполне благополучно, и неделю спустя мореплаватели вошли в пролив.

Капитан Фюрно дожидался здесь уже больше месяца. Ему удалось установить с новозеландцами хорошие отношения, и они каждый день привозили на корабль несколько корзин с рыбой в обмен на топоры и бусы.

— Это воинственный народ, — рассказывал Куку капитан Фюрно. — У них не только племена постоянно воюют друг с другом, но и деревни и даже отдельные семьи. И при этом все голодают. Да и мудрено ли — из домашних животных у них есть только собаки. Мне даже рассказывали... Впрочем, я этому не верю...

— Что вам рассказывали? — спросил Кук.

— Один новозеландец говорил мне, будто они едят человечье мясо. Но я, должно быть, просто не понял его.

— Вы его не поняли, — сказал Кук. — Никогда не верьте рассказням о людоедах, это глупые басни. Я изъездил немало здешних островов и нигде не встречал людоедов.

Маленькое солнышко

Вокруг Таити расположено много небольших островков. Каждый из них с моря кажется пышным плавучим садом. Все они похожи на Таити – на каждом такие же горы, такие же леса и луга, такие же прозрачные речки, только меньше. Живут на них те же таитяне. Островки эти расположены так близко друг от друга, что туземцы легко переезжают с одного острова на другой в своих пирогах.

Кук, прежде чем пристать к Таити, посетил несколько этих островков. Жители их уже слышали о европейцах и не удивились их приезду. Всюду путешественников ждал самый дружеский прием. Кук закупал фрукты и свинину, щедро платя железом и бусами.

Однажды к «Решению» на пироге приплыл шестилетний мальчик и кинул на палубу большой банан. Кук бросил ему пригоршню блестящих бусинок. Но промахнулся, и бусинки попали не в пирогу, а в воду. Мальчик не долго думая выпрыгнул из пироги и нырнул. Кук считал его уже погибшим, когда он снова показался на поверхности, держа в руке две бусинки.

Бросив их в пирогу, он снова нырнул и нырял до тех пор, пока не собрал со дна все, что бросил Кук. А между тем до дна было несколько метров.

Этот случай показал морякам, как высоко развито у ост-

ровитян искусство плавания. В воде они чувствовали себя так же легко и свободно, как на суще. Впоследствии Кук видел женщин, которые проплывали много километров, держа в руках грудных ребят. Они порой останавливались среди бушующих волн и кормили грудью своих детей.

Все вожди этих островов стремились побывать у Кука в каюте. Они приносили Куку свиней, а Кук дарил им топоры и ткани. Несмотря на то что на корабле было столько невиданных и загадочных вещей, они ничему не удивлялись, так как боялись уронить свое достоинство. Только один из них, помоложе и посмышленей, заинтересовался тиканьем карманых часов и попросил объяснить ему, о чем говорит эта таинственная игрушка. Кук объяснил, что часы показывают время, и молодой вождь стал называть их «маленьким солнышком», так как островитяне узнавали время только по солнцу.

Королева в изгнании

В августе суда прибыли на Таити. Мореплавателей встретили, как старых друзей. Их зазывали в каждую хижину. Многие спрашивали про Тупию и, узнав, что он умер, печально качали головами.

Путешественникам рассказали, что королева Оберея свергнута с престола. После отъезда Тупии она потеряла всякое влияние. Теперь страной правил король О-Ту.

Кук, желая заручиться дружбой этого нового властителя,

нанес ему визит вместе с Форстером-младшим и нескольки-
ми офицерами.

О-Ту был рослый мужчина лет тридцати. Он жил далеко
не так скромно, как Оберея, – его всюду сопровождала боль-
шая свита.

Кук начал с того, что сделал королю и его приближенным
богатые подарки. Король тотчас же послал своих служанок
за домоткаными полотнами. Эти полотна были выкрашены в
пунцовый, розовый и соломенно-желтый цвет и пропитаны
благовонными маслами.

Служанки окутали ими офицеров поверх мундиров, и те
едва могли двигаться в своих пышных мантиях.

О-Ту спросил Кука о здоровье Бэнкса, хотя никогда его
не видел. Кук поблагодарил короля и позвал обедать к себе
на корабль.

На другой день О-Ту приехал на «Решение» вместе со
всей своей свитой. Взойдя на палубу, он приказал окутать
Кука самыми драгоценными тканями. Через минуту Кук
превратился в огромный пунцовый куль, из которого торча-
ла только его голова. Кое-как избавившись от этих пут, он
пригласил гостей в кают-компанию.

Но король, человек от природы трусливый, ни за что не
хотел спуститься по трапу вниз. Трудно сказать, чего он бо-
ялся. Должно быть, в четырех стенах он чувствовал себя, как
в западне. Чтобы проверить, не угрожает ли ему что-нибудь,
он послал вперед своего младшего брата и осмелился спу-

ститься вниз, только когда его брат вернулся цел и невредим.

За обедом О-Ту ничего не ел. Он боялся, как бы его не отравили. Зато гости улетали с невероятной быстротой все, что им приносили. Ложки и вилки смешали их. Они не понимали, зачем есть вилкой, когда руками куда скорее и удобнее.

Одного вельможу кормили слуги. Он держал свои руки под столом.

— У вас, верно, больные руки? — вежливо спросил его Кук.

Но вельможа возмущенно поднял обе руки в воздух. Ногти его были вдвое длиннее пальцев.

Как потом выяснилось, этот таитянин никогда не стриг ногтей и бережно ухаживал за ними, чтобы все видели, что он богат и что ему не приходится работать. Только ноготь на мизинце левой руки был обычновенной длины. Он не отращивал его, чтобы было чем чесаться, — нельзя чесаться слишком длинным ногтем.

Несколько дней спустя лейтенант Пикерсджил, служивший еще на «Усердии», пошел в глубь острова, в горы, где англичанам никогда не случалось бывать. Проплутав несколько часов по горным тропинкам, он спустился в небольшую долинку и подошел к бедной таитянской хижине, надеясь достать съестного. Ему навстречу вышла старая толстая женщина и, увидев его, громко захохотала. По этому смеху он сразу узнал ее — это была королева Оберея. Она жила теперь одиноко, в глубокой бедности. У нее была всего

одна свинья, а это считалось на Таити нищетой. Но она, казалось, никак не тяготилась переменой своего положения и, угощая Пикерсджа бананами, смеялась так же громко, как в те времена, когда была королевой.

Пикерсджил предложил ей посетить капитана Кука.

— Не могу, — ответила она. — Я в ссылке. О-Ту рассердится, если увидит меня на берегу.

Лейтенант подарил ей целую связку бус, зная, что эти бусы представляют на Таити такую ценность, что опальная владычица будет обеспечена на всю жизнь.

Уезжая, Кук и Фюрно взяли к себе на корабли двух молодых таитян — Порэ и Омая. Они решили привезти их в Англию. Порэ должен был плыть на «Решении», а Омай — на «Отваге».

Суда покинули Таити 1 сентября. Когда берег скрылся из виду, Порэ, который так мечтал повидать Англию, расплакался. Вечером они увидели островок Балаболу, расположенный всего в нескольких милях от Таити.

— Высадите меня на Балаболу! — взмолился Порэ. — Я не хочу ехать в вашу Англию. С Балаболы я как-нибудь доберусь до родины!

Кук исполнил просьбу таитянина. Узнав об этом, капитан Фюрно спросил Омая, не хочет ли и он вернуться домой.

— Нет, — ответил Омай. — Я не такой трус, как Порэ. Везите меня хоть на край света.

И действительно, Омаю удалось побывать в Англии.

На Балаболе к Куку подошел мальчик лет семнадцати, по имени Эдидей, и попросил его взять с собой вместо Порэ. Кук охотно согласился.

Острова Дружбы

Кук знал, что на 12° южной широты и 175° западной долготы расположены какие-то острова. Эти острова открыл голландский мореплаватель Абель Тасман за сто тридцать лет до второго плавания Кука. С тех пор их не видел ни один европеец.

Кук решил посетить эти острова.

1 октября 1773 года, в два часа пополудни, он заметил низкий берег и, подойдя ближе, различил два рядом лежащих острова, разделенных узким проливом.

Растительность этих островов была похожа на таитянскую: такие же пестрые кудрявые рощи покрывали всю страну. Но им не хватало главного украшения Таити – тающих в воздухе гор. Острова были плоские.

Суда остановились в проливе. Тотчас же их окружили пироги. Кук стал знаками приглашать островитян взойти на корабль, но они долго не решались и в страшном возбуждении кричали.

В этом шуме Кук расслышал несколько слов, которые показались ему похожими на таитянские, и попросил Эдидея сказать, что моряки никому не желают зла и зовут их к себе

на корабль.

Эдидей, польщенный таким важным дипломатическим поручением, произнес торжественную, витиеватую речь. Он говорил целых полчаса, подыскивая самые пышные слова, самые цветистые сравнения. Но островитяне не обратили на него никакого внимания, и все его труды пропали даром.

Только под вечер, когда уже начало смеркаться, на палубу влез огромный раскрашенный островитянин. Кук с удивлением заметил, что у него не было никакого оружия. Это доверие и бесстрашие растрогали капитана. Даже таитяне не решились всходить на корабль безоружными.

Туземец держал в руке корень растения, из которого делают каву. Подойдя к Куку, он безмолвно похлопал его этим корнем по носу с таким видом, будто совершал важный обряд. Кук удивился. Как потом выяснилось, это был просто знак приветствия.

Потом островитянин заговорил.

Язык, на котором он говорил, отличался от таитянского и новозеландского только произношением слов. Кук понял, что и таитяне, и новозеландцы, и жители этих островов, в сущности, один народ.

Впоследствии народ этот назвали полинезийцами.

Эдидей мог кое-как объясняться с местными жителями, и поэтому молодой таитянин был призван для переговоров. Ему удалось узнать, что больший остров называется Тонгатабу, а меньший – Эоа и что жители их рады прибытию за-

морских гостей.

Приветливость островитянина сразу расположила к нему всех. Он все время улыбался, не перебивал, когда с ним говорили, и ни разу не попытался ничего украсть.

Кук нацепил ему на шею несколько ниток бус, и он так обрадовался, что принялся плясать по палубе. Но, уходя, снял бусы и вернул их Куку, думая, что их дали ему только на время. И когда ему объяснили, что он может их взять себе навсегда, он был счастлив.

— Всем покажи эти бусы, — сказал Эдидей, — и вели завтра привезти нам свинины, рыбы и фруктов. Тогда каждый получит такие же бусы, как у тебя.

Наутро на берегу началась торговля. Собралась такая толпа, что невозможно было протолкаться. Островитяне поразили Кука своей честностью — никто не пытался обмануть его или обсчитать.

Кук пошел в глубь острова на поиски пресной воды. За ним следовала огромная толпа. Он шел от деревни к деревне, и всюду его встречали все новые толпы. Казалось странным, что такое множество людей может жить на таких, в сущности, маленьких островах.

Путешественники шагали по отлично утрамбованной дороге, обсаженной по краям бананами. А кругом простирались поля и сады, перегороженные вдоль и поперек деревянными плетнями. На Таити Кук никогда не видел ничего подобного. Там земли было сколько угодно и никто не отго-

раживал своего участка, здесь все было запахано, засажено, каждая пальма имела своего владельца, который ухаживал за ней. И все же Кук не мог не заметить, что, несмотря на все старания жителей, деревья здесь ниже, чем на Таити, и урожай меньше. Эти острова состояли из твердого кораллового рифа, покрытого тонким слоем чернозема. Их почва не могла сравниться с тучной почвой Таити.

На перекрестках дорог и тропинок стояли большие сараи, оплетенные каким-то вьющимся растением вроде плюща. Кук сначала принял их за амбары, но потом понял, что это храмы, которые туземцы называют «а-фия-тука». В них стояли безобразные истуканы, высеченные из черного камня. Кук не хотел дотрагиваться до них, боясь оскорбить религиозные чувства островитян, но вскоре увидел, что они нисколько не уважают своих богов – вертят их из стороны в сторону, бьют ладонями по лицу и даже швыряют на пол.

При каждом а-фия-туке жил жрец. Он встречал капитана длинной речью. Выслушав несколько таких речей от разных жрецов, Кук заметил, что все они говорят слово в слово одно и то же. Некоторые сбивались, забывали, что надо сказать, и тогда толпа хором напоминала им. По окончании речи перед жрецом насыпали груду бананов, которую он тут же должен был съесть.

Куку не удалось найти хорошую воду. На этих островах не было прозрачных горных ручьев, которых так много на Таити и в Новой Зеландии. Жители пили мутную солоноватую

жижу из грязных прудов и колодцев.

Собак у островитян не было, но зато были куры, которых не знали ни таитяне, ни новозеландцы. Матросы сейчас же купили себе нескольких петухов и заставили их драться.

Петухи дрались с необыкновенной яростью. Матросы ничего не жалели, чтобы только достать петухов. Они отдавали островитянам пуговицы с мундиров, носовые платки, сапожные шнурки, перочинные ножи.

— Бей! Вали! Так его! — с утра до вечера на палубе подбадривали матросы своих бойцов.

Эдидей и Омай, никогда не видавшие петухов, сначала относились к ним с недоверием и страхом. Но потом заразились общим азартом, купили себе отличных птиц и так вымуштровали их, что все матросские петухи былибиты.

Как-то утром Куку сообщили, что на берегу его поджидает главный вождь Тонгатабу и Эоа. Кук поспешил на берег.

На камне сидел человек необъятной толщины. Огромное брюхо свешивалось между колен. Глаз не было видно — вздутые щеки заслоняли их. Он сидел и жевал. Это и был главный вождь.

Кук заговорил с ним, но он не ответил ни слова. Кук обвесил его простилями, топорами и бусами, но он даже не шевельнулся. Лицо его не выражало ничего.

Кук постоял, постоял и ушел.

А на другой день островитяне привезли на «Решение» пятьдесят свиней.

— Властелин острова дарит их властелину кораблей, — сказали они.

Пятьдесят свиней — совершенно необычайное богатство для островитян Тихого океана.

— Неужели этот толстяк так богат, что может делать такие подарки? — удивлялся Кук.

7 октября корабли вышли в море. Издали с мачт были видны другие острова, принадлежащие к тому же архипелагу, что и Тонгатабу. Но уже началась весна, Кук не останавливался — он спешил к югу, чтобы продолжать поиски Южного материка. Весь архипелаг он решил назвать «острова Дружбы».

— Нигде нас не встречали так дружелюбно, как здесь, — говорил он своим офицерам.

Настоящее название этих островов — острова Тонга. Но на европейских картах надолго сохранилось название, которое дал им Кук.

Людоеды

По пути на юг Кук хотел еще раз посетить Новую Зеландию.

У новозеландских берегов бушевал ураган. Волны вздымались выше мачт и с ревом обрушивались на палубу. Ветер был так силен, что сбивал людей с ног; дождь лил не переставая.

Только на пятые сутки, когда моряки окончательно вы-
бились из сил, улегся ветер, прояснилось небо и выглянуло
солнце.

Вдали, на краю горизонта, синели горы южного новозе-
ландского острова. Над клокочущим морем кричали альба-
тросы. Кук жадно вглядывался в даль. Но «Отваги» нигде не
было видно.

Во время бури корабли потеряли друг друга. Напрасно
«Решение» палило из пушек, напрасно оно заходило в каж-
дую бухту – его верная спутница пропала бесследно. И Кук
сильно тревожился.

– Не беспокойтесь, – утешали его офицеры. – «Отвага» –
отличный корабль, с ним ничего не могло случиться. Капи-
тан Фюрно, верно, давно уже поджидает нас в проливе Кука.

И, несмотря на то что «Решение», сильно потрепанное
бурей, требовало немедленной починки, они направились в
пролив Кука.

Но «Отваги» не оказалось и там.

Кук с помощью Эдидея, который оказался отличным пе-
реводчиком, расспрашивал туземцев, не видали ли они здесь
несколько дней назад «другого плавучего острова с белыми
крыльями».

Не видали, – отвечали новозеландцы.

Куку оставалось только одно – ждать. Он не сомневался,
что капитан Фюрно догадается зайти в пролив Кука, если,
конечно, «Отвага» еще способна держаться на воде.

А пока надо было готовиться к трудному плаванию в полярные моря на поиски Южного материка. Приближалось лето Южного полушария, и Кук хотел во что бы то ни стало использовать его для того, чтобы проникнуть как можно дальше к югу. Он ни на минуту не забывал, что открытие Южного материка – главная цель его путешествия.

Застучали топоры, завиражали пилы. Плотники и корабельных дел мастера принялись за починку судна. Но важнее всего было запастись съестными припасами, так как фрукты, купленные на острове Тонгатабу,¹ были уже съедены, а буря уничтожила почти весь хлебный запас – около тысячи пудов морских сухарей подмокло и подгнило.

Новозеландцы на этот раз встретили мореплавателей, как старых друзей, и навезли гору рыбы. На берегу начался оживленный торг. Целый улов большой сети отдавался за один топор. За один гвоздь можно было купить два-три пуда рыбы. Весь пролив был запружен сетями, на каждом прибрежном камне сидел новозеландец с удочкой в руках, – все это ловилось для белых пришельцев.

Но прошла неделя, и старые рыбные запасы иссякли, а новых не хватало. Моряки напрасно бродили по берегу со своими драгоценными гвоздями. Им удавалось достать не больше пяти-шести корзин рыбы в день. Новозеландцы тоже пришли в отчаяние: нелегко стало им добывать железные вещи.

В одно прекрасное утро оказалось, что из прибрежных де-

¹ Теперь – остров Тонгатапу.

ревень исчезли все мужчины, способные носить оружие. На расспросы Кука оставшиеся женщины и дети отвечали:

— Они ушли на войну.

— Кто же теперь будет ловить рыбу? — закричал Кук. — Я еще не засолил половины той рыбы, которая мне нужна для того, чтобы отправиться в путь. Ведь нам, может быть, придется несколько месяцев не видеть никакой земли. Неужели они не могли отложить свою войну до нашего отъезда?

Три дня о воинах не было ни слуху ни духу. Но на четвертый день они на пятидесяти пирогах вошли в пролив. С копий победителей еще стекала кровь, еще дымились их черные раны. Вожди держали палки, на которые были насажены сердца побежденных, а пироги их были загружены рыбой — награбленной рыбой, той самой, ради которой они начали войну.

На берегу снова зашумел базар.

А тем временем на «Решении» было сделано открытие, которое подтвердило самые мрачные предположения о нравах и обычаях новозеландцев.

Случилось это вот как.

Отец и сын Форстеры и несколько младших офицеров сидели на палубе и беседовали с Эдидеем. Вдруг подошла шлюпка, и на палубу взошел матрос в сопровождении двух старых новозеландцев. Матрос держал какой-то сверток.

— Глядите, что я купил у этих молодцов, — сказал он, обращаясь к Форстерам, и, криво усмехаясь, прибавил: — Недо-

рого, всего три гвоздя!

Он брезгливо развернул сверток и показал ученым отрубленную человеческую голову.

Голова была вареная.

Никто долго не мог произнести ни слова. Матросы отскочили от новозеландцев. Но наибольшее впечатление это отвратительное зрелище произвело на Эдидея. Добрый таитянин сначала оцепенел от ужаса, потом заплакал.

— Мерзкие! Мерзкие! — рыдая, кричал он. — А я еще дружил с вами! Не смейте ко мне подходить!

Несколько минут спустя на корабль вернулся Кук. Увидев смущенные и брезгливые лица своих товарищей, он пожелал узнать, в чем дело. Форстер-сын рассказал ему, что произошло.

Матrosы вытолкали пораженных людоедов с корабля, а Кук спустился к себе в каюту и не выходил оттуда целый день.

Служитель, относивший ему обед, слышал, как капитан разговаривал сам с собой.

— Это они с голоду, с голоду, — бормотал он. — Только постоянный голод может заставить одного человека съесть другого. Ведь у них нет ни коз, ни свиней, ни коров, ни хлеба, ни фруктовых деревьев — только рыба да дикие травы.

Рано утром он вызвал пятерых матросов, дал им лопаты и заступы, отправил на берег и велел вскопать землю под огород. Потом пошел к повару и забрал у него два последних

мешка привезенной из Англии картошки.

— Вот чем я буду бороться с людоедством, — говорил он, за-капывая картошку в землю. — Не пушками, не наказаниями, а картошкой. Когда они научатся сажать картошку, они бро-сят людоедство и превратятся в самых обыкновенных мир-ных крестьян. Господин лейтенант, соберите их вождей, я хочу дать им первый урок земледелия.

Ноябрь уже подходил к концу, и весна была в полном разгаре (ноябрь в Южном полушарии соответствует нашему маю). Лесные чащи стали еще гуще, еще непроходимее, тра-вы поднялись в человеческий рост, а «Отвага» все не появ-лялась.

Кук тревожился. Нельзя было больше терять ни одного дня. Малейшее промедление — и за это лето он не решит во-проса о Южном материке. Ему придется ни с чем вернуться в Европу.

Как ни жаль было Куку покидать Новую Зеландию, не узнав, что случилось с капитаном Фюрно и его подчиненны-ми, он все же приказал поднять паруса и сняться с якоря.

На всякий случай Кук закопал под одним прибрежным де-ревом бутылку с письмом для капитана Фюрно. «Решение» дважды прошло весь пролив, паля из всех пушек, и наконец 26 ноября вышло в открытый океан.

Кук взял курс прямо на юг.

«Отвага» у новозеландских берегов

Что же случилось с «Отвагой»?

Почему капитан Фюрно не пришел к установленному сроку в пролив Кука, где он должен был встретиться со своим начальником?

Почему он предоставил «Решению» одному идти к Полярному кругу искать неведомый Южный материк?

Но пусть капитан Фюрно сам расскажет об этом.

Вот докладная записка, поданная им в Британское Адмиралтейство в 1775 году.

«1 ноября 1773 года, – писал он, – сильный шквал, сопровождаемый дождем и туманом, отнес нас далеко на восток. Мы легли в дрейф и скоро потеряли из виду и берег и „Решение“. Четверо суток трепала нас буря. Паруса ежеминутно рвались, палуба стала протекать, и матросы, жившие в постоянной сырости, жаловались на простуду, кашель и головные боли.

Я знал, что «Решение» ждет нас в проливе Кука, но, когда буря утихла, корабль наш оказался в таком состоянии, что нам оставалось только одно: немедленно идти к ближайшему новозеландскому берегу.

9 ноября мы бросили якорь в каком-то заливе. Новозеландские пироги обступили нас со всех сторон. Новозеландцы вели себя дружелюбно и предлагали нам множество това-

ров. Но нас пугали их воинственный вид, их длинные острые копья и, главное, отрубленные женские головы с распущенными волосами, украшавшие носы их пирог. Я решил запастись водой, произвести самый необходимый ремонт и как можно скорее идти на соединение с «Решением» в пролив Кука, в знакомые места.

Но, увы, расчеты мои не оправдались. Ремонт снастей задержал нас дольше, чем мы предполагали, и нам удалось сняться с якоря только 12 ноября.

Ветер был встречный. Нам приходилось лавировать короткими галсами. Дни шли за днями, а мы почти не продвигались в нужном направлении. Только две недели спустя нам удалось войти в пролив и бросить якорь.

«Решение», конечно, не дождалось нас. Высадившись на берег, я увидел дерево, на коре которого была вырезана надпись: «Разрой землю». Я немедленно же приказал копать под надписью яму, и через несколько минут лопаты моих матросов наткнулись на запечатанную бутылку, в которой оказалось письмо от капитана Кука.

В этом письме капитан Кук сообщал мне, что ждал меня три недели и, не дождавшись, отправился к югу на поиски материика. Он предлагал нам следовать за ним, но мы об этом не могли и думать. Нужно было починить наш полуразрушенный корабль, запастись топливом и дать отдохнуть измученным и больным матросам.

Одиночными и беспомощными чувствовали мы себя в этой

дикой лесной стране, расположенной на краю света. Туземцы – как вымерли. Берега пролива Кука, еще так недавно усеянные многолюдными деревнями, теперь были пусты и угрюмы. Из леса порой доносились какие-то странные шорохи и голоса, как будто неведомые враги следили за нами из чащи и выжидали только удобного случая, чтобы напасть и убить. И мы старались как можно реже съезжать на берег.

Но время шло, ничего не случалось, и наши страхи рассеялись. Мы попривыкли к угрюмой дикости береговых скал, а когда в лесу раздавались голоса, мы говорили, что это кричат птицы.

Наконец судно было приведено в порядок, и мы стали собираться в путь. На прощание мне хотелось собрать фруктов и овощей, чтобы в дороге было чем полакомиться команде, которой надоела вечная солонина с морскими сухарями.

В злополучный день 17 декабря я послал на шлюпке в глубь пролива небольшой отряд, приказав ему идти вдоль берега и собирать все растения, которые покажутся съедобными. Все были рады такой приятной прогулке, и в шлюпку сейчас же уселось десять матросов. Во главе отряда я поставил двух лучших своих боцманов, которые тоже были очень довольны. Одного из них звали Феликс Рай, другого – Томас Гилл.

– Возвращайтесь к вечеру. Завтра мы снимаемся с якоря, – сказал я им на прощание. – И будьте осторожны. Не заходите далеко в лес. Особенно вы, Гилл. Вы всегда так всем

увлекаетесь. Как бы нам не пришлось разыскивать вас!

— Меня не трудно найти, сэр, — со смехом ответил Гилл. — Я меченный.

И, засучив рукав, он показал мне свою руку, на которой было вытатуировано «Т. Г.» — первые буквы его имени и фамилии.

К вечеру они не вернулись.

Я начал сильно тревожиться и пожалел, что отправил их так далеко от судна. А утром послал на поиски вооруженную шлюпку с десятью солдатами морской пехоты под командой лейтенанта Бэрни.

Шлюпка эта должна была обогнуть Долгий остров, посетить Восточную бухту, а оттуда отправиться в залив Растений. Этот залив славился тем, что на его покрытых густым лесом берегах рос вкуснейший сельдерей. Даже английские огородники не сумели бы вырастить лучшего сельдерея. И поэтому мы были уверены, что наши пропавшие товарищи посетили вчера залив Растений.

В Восточной бухте не нашли ничего. Лейтенант приказал плыть дальше.

В два часа дня солдаты увидели большую новозеландскую деревню. Жители высыпали на берег и стали махать руками, прося шлюпку удалиться. Но лейтенант велел высадиться и в сопровождении пяти солдат, с ружьями наперевес, обошел все хижины. Ничего подозрительного им обнаружить не удалось. Одно только удивило лейтенанта — в этой деревне со-

всем не было молодых, здоровых мужчин. В каждой хижине их встречали только женщины, старики и дети.

В три часа отправились дальше. Вот наконец и залив Растений.

У берега стояла длинная пирога. Ее сторожили два раскрашенных воина. Увидев шлюпку, они кинулись в лес.

– Приставать? – спросил рулевой.

– Приставайте, – сказал лейтенант.

И через минуту нос шлюпки врезался в прибрежный песок.

– Глядите, башмаки! – вдруг крикнул солдат, первым выпрыгнувший на берег.

– Где башмаки? Какие башмаки?

Солдат нагнулся и поднял с земли два стоптанных матросских башмака.

– Я знаю, чьи это башмаки, – мрачно сказал другой солдат. – Это башмаки матроса Удгауза. У него ноги колесом, и только он один может так криво стоптать башмаки.

– Ищите, ищите! – кричал лейтенант. – Мы должны обыскать весь этот берег!

И сейчас же сам наткнулся на находку.

В высокой траве стояло двадцать больших плетеных корзин, наполненных мясом.

– Солонина! – вскричал один из солдат.

– Нет, мясо свежее, – заметил другой.

– Собачье мясо, – сказал третий. – В этой проклятой стра-

не нет ни быков, ни свиней, ни баранов.

И толкнул корзину носком сапога. Корзина перевернулась. Груда мяса вывалилась на окровавленную траву. На самом верху этой мелко изрубленной кучи мяса лежала отрубленная человеческая рука. Возле ее согнутого локтя были ясно видны две большие лиловые буквы: «Т. Г.»

— Назад! К шлюпке! — приказал лейтенант, и отряд хмуро потащился к берегу.

На голом холме стояли новозеландские воины и потрясали копьями, глядя на медленно идущих по высокой траве англичан.

— Дозвольте проучить этих собак, сэр! — закричали солдаты, обращаясь к лейтенанту.

И, раньше чем тот успел ответить, грянул залп, потом другой, потом третий. Лысый холм покрылся трупами.

Лейтенант Бэрни, вернувшийся вместе со своим отрядом только в одиннадцать часов вечера, доложил мне обо всем. Я решил отказаться от бесполезной мести озверевшим людоедам и как можно скорее покинуть эту мрачную страну. На другой день мы снялись с якоря».

Так закончил докладную записку капитан Фюрно.

Полгода спустя «Отвага», обойдя с юга Австралию и пройдя через весь Индийский океан, с порванными парусами, с поломанной оснасткой, с полумертвой от голода и цинги командой добралась до голландского порта Капштадт² на

² Теперь — Капстад (Кейптаун).

мысе Доброй Надежды.

Опять среди льдов

— Мы сейчас проходим под средним сводом Лондонского моста, — сказал Кук.

— Что вы сказали? — спросил Форстер-младший.

— Под нами мутная вода Темзы, в которой отражаются баржи, набережные и дома, — продолжал Кук.

Форстера пробрала дрожь. Шутка ли — мчаться к Южному полюсу по неведомым морям на корабле, которым командует помешавшийся капитан! Только сумасшедший, находясь в южной части Тихого океана, может полагать, что он плывет по Темзе и проходит под средним сводом Лондонского моста.

— И тем не менее Лондон никогда еще не был так далеко от нас, как сейчас, — говорил Кук. — Он расположен на другой стороне земного шара, как раз под нами.

Форстер рассмеялся. Так вот оно что! Капитан Кук прав. «Решение», может быть, действительно плывет под Лондонским мостом. Но Лондон находится на одном конце земного диаметра, а «Решение» — на другом. Если бы в Лондоне стали копать яму и прорыли насквозь землю, землекопы вылезли бы из недр как раз под килем «Решения».

Путешественники проникли уже гораздо дальше к югу, чем прошлым летом, и все еще не встречали льдов. Погода

стояла холодная, пасмурная, но море было чисто.

Кук уже стал думать, что Южного материка не существует. Но теперь его увлекала к югу другая надежда – надежда добраться до Южного полюса.

Вот корабль пересек Южный Полярный круг и солнце перестало заходить – дни и ночи кружит по небу, – а они все еще мчатся дальше на юг.

Но 30 января 1774 года было замечено, что облака на краю неба как-то странно сверкают. Это всегда служит признаком приближения льдов. Через полчаса с мачт увидели холмистое ледяное поле, преграждавшее им путь.

Подул холодный ветер, пошел мокрый снег. Снасти покрылись ледяной корой, с рей свешивались гигантские соуськи. В каютах было так холодно, что спали не раздеваясь.

Эдидей, никогда не видавший ни льда, ни снега, был потрясен. Он сперва принял ледяное поле за землю и поражался ее белизне и блеску. Но потом, когда ему показали, что лед может таять и превращаться в воду, удивлению его не было границ. Падающий снег он называл небесными камнями. Он собирал его и складывал в особый ящичек, так как хотел привезти это чудесное вещество с собой на Таити и показать друзьям. Он был глубоко огорчен, когда ему сказали, что сделать это не удастся.

Полуночное солнце наполняло его благоговейным трепетом. Каждый вечер он ждал наступления темноты и, видя, что солнце остается на небе, в испуге убегал к себе в каюту.

Этот молодой смышленый таитянин веселил всю команду, соскучившуюся во время длинного, однообразного пути. Он собрал в Новой Зеландии разные прутики и теперь связал их в пучок, причем каждый прутик носил у него название какой-нибудь из стран, посещенных им во время путешествия. Был у него прутик «Тонгатабу», прутик «Новая Зеландия» и даже прутик «Военуа Тита», что по-таитянски значит «Белая Земля».

— Эти прутики помогут мне не забыть те страны, где я побывал, — объяснял Эдидей матросам. — А то ведь так всего не упомнишь.

Впрочем, увидев какое-нибудь новое чудо, он не радовался, а скорее, наоборот, печалился.

— Чего ты жалуешься, Эдидей? — спрашивали его. — Ведь ты обхехал полмира. Тебе будет чем похвастаться на родине.

— Никто мне там не поверит, — грустно отвечал Эдидей.

Ледяное поле преградило путь кораблю.

Там, где, по мнению ученых, должен был находиться Южный материк, Кук не нашел ничего, кроме моря.

Однако, если бы ему удалось проникнуть еще немного дальше к югу, он открыл бы Южный материк. Потому что Южный материк действительно существует — он называется Антарктидой.

Но Антарктиду открыли русские мореходы Беллинсгаузен и Лазарев почти через полсотни лет после второго плавания Кука.

А Кук, не дойдя до Антарктиды, повернул свой корабль на север.

Погибший мир

Теперь предстоял долгий путь домой. Но по пути домой Кук хотел посетить неизвестные и малоизвестные области Тихого океана.

11 марта мореплаватели увидели желтые горы острова Пасхи.

Этот остров открыл в 1687 году пират Эдуард Дэвис. Потом, на пасху 1722 года, его посетил голландский капитан Якоб Роггевейн и назвал его островом Пасхи. С тех пор до Кука никто не видел этого острова.

Голые базальтовые скалы отвесными склонами подымались из воды, придавая острову вид неприступного замка. Какой угрюмый, неприветливый край! И нигде ни одного дерева – только бурье кусты да желтая трава.

Но никакой земле наши мореплаватели не радовались так сильно, как этому большому выжженному камню, торчавшему со дна океана. Три с половиной месяца носились они по полярным морям. От дурной воды и несвежей пищи у половины команды начиналась цинга. Сам Кук был простужен, измучен и мечтал о возможности провести несколько часов на берегу.

Мудрено ли, что бесплодный остров показался им раем?

А когда из-за мыса выплыла лодочка, в которой сидел рыбак-островитянин, удивленно глядевший на корабль, Эдидей не выдержал, прыгнул в воду и поплыл к нему навстречу. Он влез в лодку, обнял растерявшегося рыбака, сунул ему в руку сразу два гвоздя и сам сел за весла. Через минуту он втащил островитянина на палубу и, смеясь от счастья, поставил его перед Куком.

Их окружила вся команда. Островитянин по виду был похож на таитян, и это давало надежду, что с ним можно будет сговориться.

— Спроси, Эдидей, есть ли у них бананы! — кричали офицеры.

- Хорошая ли здесь вода?
- Много ли они держат свиней?
- Скажи ему, что мы хорошо заплатим.
- Мы дадим все, чего они захотят.

Но несчастный рыболов от страха лишился дара слова, и его пришлось отпустить, ничего от него не добившись. Решено было немедленно же ехать на берег.

На острове Пасхи жило всего шестьсот — семьсот человек. Они говорили на полинезийском языке, но из всех полинезийских племен это было, пожалуй, самое нищее племя. Жители острова Пасхи не имели не только свиней, но и собак, которые были даже у новозеландцев. Питались рыбой да крысами, в изобилии водившимися на острове. Пресной воды было мало, и они возмешали ее недостаток тошнотвор-

но-приторным соком дикорастущего сахарного тростника.

Купить на острове Пасхи было нечего. Кук приобрел несколько корзин свежей рыбы, дал матросам возможность побродить по берегу и решил как можно скорее убираться отсюда.

Моряки уныло поникли головами.

Но зато ученые были вознаграждены за все страдания. Их заинтересовали исполинские статуи, высеченные из цельного камня. Эти статуи были рассеяны по всему острову. Стояли они на гигантских платформах, тоже высеченных из камня.

Форстер-сын расспрашивал островитян, откуда у них эти статуи, кто их сделал, что они означают. Но островитяне ничего не могли ему объяснить и с суеверным ужасом глядели на гигантские каменные глыбы.

И Форстер решил, что эти статуи вряд ли созданы теми людьми, которые сейчас обитают на острове Пасхи. Во-первых, людей там слишком мало, им не под силу было ворочать этакие глыбы, а во-вторых, невозможно себе представить, чтобы такая сложная работа могла быть выполнена жалкими топориками, сделанными из камней и ракушек.

Оставалось предположить, что на острове Пасхи обитал когда-то многочисленный, могущественный и культурный народ. Но это казалось еще невероятнее. Слишком уж мал остров Пасхи, слишком удален от других берегов, а главное – слишком бесплоден.

И Форстеру пришла в голову смелая идея. А что, если несколько столетий назад остров Пасхи был совсем не такой, как сейчас? Что, если он был неизмеримо больше и плодоноснее? Что, если он составляет только крохотную часть какой-нибудь материка, вследствие землетрясения погрузившегося на дно океана? Сколько здесь базальтов и застывшей лавы! Все это говорит о сильной и недавней вулканической деятельности. На этом материке могли быть города, храмы, дороги, нивы, пастбища и миллионы людей, богатых, просвещенных, знакомых с науками и искусствами. А теперешние жители – это, может быть, обнищавшие и одичавшие остатки великого народа, смешавшиеся с туземцами соседних островов, перенявшие их язык и забывшие о своем славном происхождении. И только статуи, свидетели былых времен, помнят об их великом прошлом.

Таитянский военный флот

Так как остров Пасхи не мог снабдить корабль всем необходимым, Кук решил еще раз посетить Таити.

21 апреля 1774 года с «Решения» увидели таитянские горы.

Эдидей заплакал от радости.

Кука встретили как старого друга. Король О-Ту поцеловал его.

Изголодавшаяся команда была немедленно снабжена всем

необходимым. Было время урожая, и Кук никогда еще не видел Таити таким цветущим и обильным. Матросы отдыхали и радовались. Они привыкли встречать на этом острове покой, дружбу и хорошую пищу.

Таитян волновало важное политическое событие. Жители островка Эймео, расположенного в десяти милях от Таити, взбунтовались и отказались признавать власть короля О-Ту. Таитяне подготовляли карательную экспедицию против непокорных. По берегу бродили толпы вооруженных мужчин, прибывших из дальних селений, по ночам жгли костры, пили каву, плясали военные пляски.

Все было готово к походу, ждали только флота, который крейсировал у противоположного берега Таити.

Кук столько наслышался о красоте и могуществе этого флота, что с нетерпением ждал его прибытия.

Наконец настал этот торжественный день.

Кук стоял на берегу вместе с О-Ту и Форстером, когда в бухту влетели таитянские пироги. Вот как описывает Кук это событие в своем судовом журнале:

«Флот состоял из 160 военных судов и 150 судов, предназначенных для подвоза съестных припасов. Военные суда имели от 40 до 50 футов в длину. Над носовою их частью расположены платформы, где стояли воины в полном вооружении. Гребцы сидели внизу между столбами, поддерживающими платформы, по одному человеку на каждый столб. Таким образом, эти платформы были приспособлены только

для боя. Суда для подвоза съестных припасов гораздо меньше и лишены платформ. На больших судах сидело по сорок человек, а на малых – по восемь. Я высчитал, что всего в таитянском флоте занято 7700 человек, но многие офицеры сочли эту цифру преуменьшенной. Все суда были украшены разноцветными флагами и представляли величественное зрелище, какого мы не ожидали увидеть в этих морях. Впереди шел адмиральский корабль, состоящий из двух больших военных судов, соединенных вместе. На нем ехал командующий флотом адмирал Товга, пожилой человек с красивым, мужественным лицом.

– Да здравствует О-Ту! – кричали мореходы, выскакивая на берег прямо перед своим королем.

– Да здравствует Товга! – кричали сухопутные войска, встречая идущего им навстречу адмирала.

Одежда воинов была пышна и пестра. Она состояла из трех больших кусков ткани: нижний – белый, средний – красный, верхний – бурый. На головах они носили высокие шишаки, сплетенные из прутьев и украшенные голубыми, зелеными, белыми перьями и зубами акул. Один только Товга вместо шишака носил чалму, которая очень шла ему. Поздоровавшись с О-Ту, он подошел ко мне и обнял меня».

Кук был не прочь посмотреть на предстоящую войну таитян с эймеосцами, но, к сожалению, он должен был спешить, так как ему хотелось посетить никому не ведомый остров

Эспириту-Санто,³ отмеченный на карте одного испанского мореплавателя.

На прощание он пригласил Товгу к себе на корабль.

Товга вел себя как настоящий моряк. Больше всего его интересовало устройство корабля. Он спрашивал о назначении каждого паруса, каждого каната, понимая все с одного намека и задавая такие сложные и разумные вопросы, что Кук только удивлялся его уму и догадливости.

Товга восхищался искусством англичан.

— Если бы у нас был хоть маленький парусный кораблик, — восклицал он, — мы были бы непобедимы на морях!

И Куку пришло в голову подарить таитянам небольшой парусный бот с каютой и палубой, который в разобранном виде лежал в трюме «Решения». «Мы слишком многим обязаны этому народу, — думал Кук, — чтобы уехать, не сделав им никакого подарка».

Когда бот собрали и спустили на воду, Товга пришел в восхищение. Но когда ему сказали, что этот бот отныне будет принадлежать таитянскому флоту, он засмеялся от счастья. Он проплыл на нем вдоль всего берега при ликующих криках народа, отличноправляясь с рулем и парусами. Несколько двадцативесельных пирог попробовали угнаться за ним, но сразу остались позади.

Два часа спустя О-Ту и Товга прибыли на «Решение» с официальным благодарственным визитом. Чего-чего толь-

³ Теперь — остров Эспириту-Санта.

ко они не привезли с собой! И свиней, и кокосов, и бананов! К глубокому их огорчению, Кук приказал все это отослать назад, так как все кладовки на «Решении» были уже заполнены доверху. Впрочем, это не испортило торжества.

Эдидей стал самым знаменитым человеком на Таити. Он ходил из хижины в хижину и, перебирая свои прутики, рассказывал о странах, в которых ему удалось побывать. Но ему не слишком верили. Однажды на корабль явилось несколько таитян, и, вызвав Кука, они попросили его уличить Эдидея, который утверждал, что он видел белые камни, которые могли превращаться в воду. И Куку стоило многих усилий убедить их, что Эдидей говорил правду.

Перед самым отъездом Эдидей заявил, что в Англию он не поедет.

- Почему? – спросил его Кук.
- Я женился, – ответил Эдидей.
- Я могу взять и твою жену.
- Нет, я уже построил себе здесь дом.

Кук подарил ему несколько топоров, целый ящичек бус, поцеловал и отправил на берег.

Новые Гебриды

Роясь в старых испанских картах, Кук на одной из них нашел остров Эспериту-Санто, расположенный к северо-западу от Новой Зеландии. Ни об этом острове, ни об окру-

жавшей его части океана ничего не было известно. Кук решил, прежде чем вернуться на родину, разрешить загадку этого острова и, воспользовавшись свежим ветром, пустился в путь.

15 июля перед ним открылась цепь больших гористых островов. Трудно было решить, который из них видел испанский мореплаватель. Чтобы не обидеть своего предшественника, Кук оставил название Эспериту-Санто за самым большим из них, а всему архипелагу дал имя «Новые Гебриды».

Первый остров, к которому он пристал, назывался Маликоло. Это была лесистая гористая страна в сто километров в длину. Жители ее нисколько не походили на таитян и новозеландцев: у них были курчавые волосы и черная, как у негров, кожа. Вся их одежда состояла из пояса, с которого спереди свешивался пучок соломы.

Леса на Маликоло были непроходимы. Деревья густо оплетены лианами, сквозь которые пробиться можно было только с топором в руках. Однако островитяне в этих лесах чувствовали себя отлично. Казалось, им было легче лазить по деревьям, чем ходить по земле.

Форстер-младший подобрал на берегу несколько брошенных копий и с удивлением заметил, что их острые наконечники выпачканы какой-то липкой мазью.

— Это яд, — сказал он Куку. — Здешние жители опаснее новозеландцев. Идти в глубь острова — опасно, а на берегу нам нечего делать. Мы должны скорее убраться отсюда.

«Решение» долго шло к югу, лавируя между островами. Все они были похожи на Маликоло. Всюду по берегам бродили толпы голых людей и швыряли в воду копья и камни.

Но 6 августа моряки наткнулись на остров, который своим видом значительно отличался от всех остальных. Посередине его возвышалась большая конусообразная гора, из вершины которой валил густой черный дым. Приблизившись, Кук увидел, что леса на острове местами вырублены и то тут, то там растут банановые деревья, посаженные правильными рядами. Это внушало надежду, что жители этого острова дают возможность экспедиции запастись водой и прикупить съестных припасов.

В воздухе пахло гарью. Дым, извергаемый горою, осаждался, и паруса «Решения» почернели от копоти. Все на корабле покрылось сажей. Только что выстиранное белье через несколько часов приходилось снова стирать.

Ночью моряки были свидетелями необычайного зрелища: дым, освещаемый снизу, из кратера, казался огненно-красным и огромным кровавым языком распластался по звездному небу.

Наутро бросили якорь. Корабль сразу же окружили пироги. Жители были с виду такие же, как на соседних островах, но к морякам относились без всякой свирепости. Они кидали оружие на землю, махали пальмовыми ветвями и зазывали пришельцев на берег.

Кук попробовал заговорить с ними по-таитянски, но на-

прасно. Язык их с таитянским не имел ничего общего. Знаки они тоже понимали плохо – недогадливость их даже порой удивляла путешественников.

Остров этот назывался «Танна». Жители Танны – самое культурное из всех новогебридских племен. Но насколько они были беспомощнее и невежественнее таитян! Земледелие их находилось в самом зачаточном состоянии. Расчищая почву от леса, они рубили деревья каменными топорами. Топоры эти были так плохи, что одному человеку удавалось срубить не больше двух-трех деревьев за день. Кук приказал матросам вырубить для туземцев участок леса, над которым им пришлось бы трудиться целый год, и через три часа работа была кончена.

Кук даже новозеландцев считал культурнее, чем новогебридцев. Новозеландцы умели плести рогожи, их каменные топоры были хорошо отшлифованы, у них были крепкие, вместительные лодки, а не легко переворачивающиеся пироги, в которых едва могли поместиться два человека.

Зато у таннцев было смертоносное оружие – отравленные копья и стрелы. Они охотно продавали их англичанам.

Кук возмущался тем, что таннцы свалили всю работу на жен, а сами ничего не делали. Женщины разрыхляли деревянными мотыгами землю, женщины ловили рыбу, женщины пасли свиней, готовили обед, строили хижины, а мужчины лишь спали, ели да распевали песни. Только два занятия считали они достойными себя – охоту на птиц и рубку дере-

вьев. Но, срубив дерево, заставляли женщины оттаскивать его в сторону. Вообще женщины постоянно что-нибудь тащили на спинах, они были низкорослы и сгорблены.

Танна – вулканический остров и весь состоит из пепла, выброшенного огнедышащей горой. Его черная рыхлая почва чрезвычайно жирна, и поэтому лес здесь гуще, чем на Маликоло.

Бродя по лесу, Кук натыкался на лысые места, где не росла даже трава. Однажды он ступил на такую прогалинку, но снизу так припекало, что ему казалось, будто он идет по раскаленной плите.

Немало там было и горячих ключей, которые били из-под земли прямо вверх, как фонтан. К ним трудно было подойти из-за клубов горячего пара. Кук бросил в один из таких ключей черепаху, и через две минуты она настолько сварилась, что ее можно было есть.

Жители Танны были слишком бедны, чтобы снабжать корабль припасами, поэтому Кук не мог долго оставаться у них. Он поднял паруса и направился на юг, полагая, что до Новой Зеландии они уже не встретят никакой земли.

Новая Каледония

Но через три дня, 5 сентября, мореплаватели издали увидели длинную горную цепь.

Кук несколько суток плыл вдоль скалистых, почти безлес-

ных берегов, и ему стало казаться, что он открыл необычайно большой остров. Но, забравшись на вершину одной из гор, он сразу за него увидел море. Новая Каледония длинна, но узка: ширина ее нигде не превышает десяти миль.

Обитатели ее были похожи на туземцев Танны, только несколько выше ростом и мускулистее. Они сажали банановые и кокосовые деревья, но не имели никаких домашних животных. Диких зверей на острове тоже не было.

Однажды на берегу новокаледонцы увидели матросов, которые ели солонину. Один из моряков обгрызal свиную кость, и они приняли его за людоеда. Это вызвало в них сильное отвращение, они сразу заговорили все хором, плевались и корчили рожи. Напрасно смущенные матросы старались убедить их, что они едят свиное, а не человеческое мясо. Островитяне продолжали смотреть на них с самым брезгливым видом.

Впрочем, к морякам новокаледонцы относились без всякого любопытства. Никогда не заговаривали первые, не звали их к себе, не подъезжали к кораблю и ничего не пытались выменять или украсть. Когда путешественники бродили по острову, их сопровождали только дети. Мальчики целыми толпами ходили за Форстером, потому что Форстер стрелял попугаев. Выстрелы их нисколько не страшили.

Кук занес на карту все восточное побережье Новой Каледонии, дал названия мысам и заливам и вышел в открытое море.

Домой

18 октября 1774 года «Решение» снова бросило якорь в проливе Кука. Кук был в Новой Зеландии почти год назад. Как здесь все изменилось за время его отсутствия! Берега пролива опустели. Там, где раньше были деревни, остались только грязные пепелища, уже зарастающие травой. А те несколько семейств, которые продолжали еще обитать в этом опустелом kraю, старательно избегали встреч с моряками. Едва англичане высаживались на берег, как новозеландцы скрывались в лесах.

Кук, не знавший, что произошло с «Отвагой», удивлялся этой странной недоверчивости людей, так дружественно относившихся к нему в его прошлый приезд. Он поймал двух молодых воинов, силой привез их на корабль и стал расспрашивать, что произошло в его отсутствие. Но новозеландцы были несловоохотливы, бормотали что-то невнятное, уверяли, что они ни в чем не виноваты, и Куку пришлось отпустить их, ничего не добившись.

«Домой!» – вздыхали матросы, утомленные двухлетним плаванием. «Домой!» – скрипели ванты, истрепанные за долгую службу. «Домой! Домой!» – шумели грязные, заплатанные паруса.

Кук тоже устал и постарел за это путешествие. Посоветовавшись с офицерами, он через неделю покинул Новую

Зеландию и отправился в Англию, избрав путь мимо мыса Горн. 30 июля 1775 года «Решение» прибыло на родину, обойдя вокруг света.

Третье плавание. Северо-Западный проход

Кук опять отправляется в Тихий океан

После второго путешествия Кук решил отдохнуть. Ему шел уже сорок девятый год, он довольно поплавал по морям.

И вот, пожертвовав почти все свои деньги, полученные из Адмиралтейства, на постройку общежития для престарелых моряков, он поселился в маленьком городке Гринвиче и занялся астрономией.

Но он недолго оставался в бездействии.

Весной 1776 года его вызвал к себе граф Сэндвич, первый лорд Адмиралтейства.

— Кук, — сказал он, — вам придется еще раз совершить кругосветное путешествие. Адмиралтейство решило послать вас в новое плавание. Вы должны попробовать отыскать Северо-Западный проход со стороны Тихого океана.

О существовании Северо-Западного прохода европейские ученые тех времен спорили так же много, как о существовании Южного материка.

Защитники существования Северо-Западного прохода утверждали, что это пролив, который проходит через Северную Америку и соединяет Атлантический океан с Тихим.

Предполагаемый пролив называли Северо-Западным потому, что надеялись найти его на северо-западе от Европы.

Никто никогда этого пролива не видел, и тем не менее многие верили в его существование.

Европейским купцам XVIII века, для того чтобы попасть в Индию, в Китай, в Японию, приходилось обходить кругом либо всю Африку, либо всю Южную Америку. А это намного удлиняло путь и удорожало плавание. Открытие Северо-Западного прохода дало бы возможность кораблям проникать кратчайшим путем из Европы во все страны Дальнего Востока.

Много уже кораблей пыталось найти этот проход. Но все они искали его со стороны Атлантического океана. И не нашли.

— Надо попытать счастья со стороны Тихого океана, — сказал граф Сэндвич Куку. — Вам придется проплыть вдоль всего западного побережья Северной Америки. Это совсем неисследованная область. Там еще не был ни один путешественник. В Плимутской гавани вас уже ждут два корабля. Ну что ж, согласны?

— Согласен, — ответил Кук. — Но у меня к Адмиралтейству есть просьба.

— Какая? — спросил граф Сэндвич.

— Я прошу дать мне стадо овец.

Граф Сэндвич удивился.

— Стадо овец?

– Да. Голов пятнадцать – двадцать.

– Зачем вам овцы?

– Я хочу свезти их в подарок таитянам и новозеландцам.

Этих бедных людей нужно обучить скотоводству. Если овцы размножатся на их островах, туземцы разбогатеют. Скотоводство – лучший способ борьбы с людоедством. У новозеландцев нет никаких домашних животных, кроме собак. Земля у них плодороднейшая, но они не умеют ни пахать, ни сеять. Постоянный голод висит над всей страной. Голод натравливает их друг на друга, голод учит их съедать убитых врагов. Если бы мы привезли им овец...

– Вы служите его величеству королю, капитан, а правительство его величества не желает делать подарки новозеландцам, которые съели матросов капитана Фюрно.

– В таком случае я куплю овец на свои собственные деньги, – сказал Кук.

– Пожалуйста, – холодно ответил граф Сэндвич. – Это ваше личное дело.

Овцы

12 июля 1776 года Кук вышел в море из Плимутского порта на своем милом старом «Решении».

Второй корабль, данный ему вместо выбывшей из строя «Отваги», назывался «Открытием». Им командовал капитан Кларк.

Но «Открытию» не удалось вовремя приготовиться в путь, и «Решение» ушло одно. Кук обещал капитану Кларку подождать его у мыса Доброй Надежды.

Граф Сэндвич стоял на берегу, окруженный чинами управления порта и своими адъютантами. Ветер сдувал пудру с завитых париков. Граф Сэндвич следил через подзорную трубу за уходящим судном. Там все было в порядке. Чисто вымытая палуба сверкала на солнце.

Но, едва берег скрылся из виду, на палубе «Решения» была воздвигнута деревянная загородка. Кук сам следил за ее постройкой. Получилось нечто вроде небольшого загона для скота. И матросы втащили в этот загон одиннадцать овец лучших английских пород и четырех крутогорых баранов.

Дни проходили за днями, и «Решение» быстро двигалось к югу. Берега Португалии остались позади, и в ясную погоду с левого борта можно было видеть синюю полоску берегов Африки. Кук торопился к мысу Доброй Надежды.

В пути он сделал всего одну остановку – у острова Тенериф. Испанцы, жившие на острове и занимавшиеся виноделием, были поражены: они впервые видели судно, зашедшее к ним не за вином, а за сеном.

Покинув Тенериф,⁴ Кук, пользуясь попутным ветром, на всех парусах помчался к мысу Доброй Надежды. Команда была весела и здорова, овцы толстели.

18 октября «Решение» бросило якорь в Столовой бухте,

⁴ Теперь – Тенерифе.

возле мыса Доброй Надежды, в гавани города Капштадта. Здесь мореплавателям предстоял долгий отдых. Они должны были дождаться «Открытия», которое только 1 августа вышло из Англии.

Мыс Доброй Надежды – самый южный мыс Африки – в те времена принадлежал Голландии. Все корабли, направлявшиеся из Европы в Индию, проходили мимо мыса Доброй Надежды, и Голландия держала этот важнейший морской путь в своих руках.

Южная Африка – степная страна. Степи начинались сразу за городом и тянулись на тысячи километров к северу. В этих степях бродили запуганные голландцами племена бушменов. Бушмены обкрадывали птичьи гнезда, поедали лягушек и вымазывали наконечники своих стрел ядом маленьких черных змеек. При виде европейцев они разбегались и прятались в глубоких земляных норах.

Когда якорь был брошен, Кук съехал на берег и отправился к голландскому губернатору.

Губернатор дал ему бумагу, украшенную разноцветными печатями, в которой говорилось, что английскому капитану Джемсу Куку разрешается пасти своих овец на пастбищах вокруг города Капштадта.

Кук был доволен. Он давно уже мечтал покормить свое стадо свежей травой.

А тем временем он прикупал съестные припасы, рассматривал старые карты и не торопясь готовился к дальнейшему

му плаванию. Матросы получили двухмесячное жалованье и разбрелись по городу. Офицерам к обеду выдавалась лишняя бутылка вина. Естествоиспытатель доктор Андерсон чистил свои инструменты для набивки чучел и ловил на палубе африканских бабочек.

Так прошел месяц.

И вдруг в каюту капитана вбежал лейтенант Кинг.

— Сэр, овцы исчезли! — крикнул он.

Кук, взволнованный, сейчас же съехал на берег и тут только узнал, что произошло.

Накануне вечером два солдата, сторожившие стадо, мирно сидели у костра и курили трубки. Яркие звезды, небывало высокие травы никак не интересовали их. Они привыкли и не к таким чудесам во время своих скитаний по белу свету вместе с капитаном Куком.

Нет, они говорили о далекой Англии, где остались их жены и дети, которых они видят так редко. Рядом, сбившись в кучу, спали овцы со связанными передними ногами.

К полуночи солдат стала одолевать дремота. Они уже собирались разлечься на траве, как вдруг услышали далекий стук копыт. Огромная зарница озарила полнеба, и на вершине соседнего холма они увидели четырех всадников, скачущих прямо к костру. Длинные ружья торчали у них из-за плеч.

«Разбойники!» — подумали солдаты.

Англичане, съезжая на берег, должны были, по распоря-

жению голландцев, оставлять свое оружие на корабле. А как они, безоружные, будут защищаться от четырех вооруженных всадников?

Топот копыт приближался.

— Стой! Кто идет? — крикнул один из солдат.

Длинная петля лассо обхватила обоих пастухов и сбила их с ног. Всадники спешились и молча связали англичан, положив одного на другого, как кусок сыра на ломоть хлеба. Затем распутали овцам ноги, сели на коней и умчались в степь, гоня перед собой все стадо.

Только на рассвете несчастным солдатам удалось освободиться. Они побрали в порт и донесли обо всем своему начальству.

Кук, встревоженный и возмущенный, снова поехал к губернатору. Губернатор встретил его официально и недружелюбно. Он не любил англичан; он знал, что они хотят завладеть голландскими колониями в Южной Африке.

— Это меня не касается, — сказал он. — Обратитесь к начальнику полиции.

Начальник полиции был вторым после губернатора лицом в колонии и собирался в будущем занять его должность. Выслушав английского капитана, он сухо обещал ему свое содействие. Но Кук понял, что ему нечего надеяться на помощь властей.

Он был в отчаянии.

А тут как раз прибыло «Открытие», истрапанное в Атлан-

тическом океане бурей, и Куку пришлось на время отложить поиски украденного стада – он должен был распорядиться ремонтом.

Капитан Кларк, бывавший в этих местах (он служил лейтенантом на «Отваге» под командой капитана Фюрно), утверждал, что грабители пользуются покровительством самого губернатора.

– Вас ограбили здешние рабовладельцы, – говорил он. – Им не хватает своего скота, и вот они решили воспользоваться вашим. Такие набеги тут в порядке вещей. Вступать в борьбу с рабовладельцами невозможно. Все начальство на их стороне. Есть, пожалуй, одно неплохое средство...

– Какое? – спросил Кук.

– Найти воров, которые за умеренную плату согласились бы украсть у грабителей ваших овец.

Это действительно был единственный правильный путь. И Куку не пришлось даже разыскивать желающих взяться за такое дело – они нашлись сами.

Случилось это вот как. Вечером того же дня, перед заходом солнца, Кук нанял фиакр и поехал к одному голландскому купцу, доставившему ему полтонны морских сухарей. Кук расплатился с купцом, вышел на улицу и уже собирался вскочить в фиакр, как вдруг в воротах соседнего дома увидел старуху негритянку, которая делала ему какие-то таинственные знаки.

Кук пошел за ней.

Она ввела его во двор и протянула ему замусоленный клочок бумажки, на котором свинцовым карандашом были нацарапаны какие-то каракули.

После долгих стараний Куку удалось прочесть:

Сэр! Мы знаем, где ваши овицы. Готовы на все. Недорого. Знаете пустырь за казармой? Приходите сегодня в 11 часов вечера.

Ваши доброжелатели, обиженные судьбой.

Кук поднял глаза, но старухи уже не было.

В назначенное время он пробирался в темноте по кривым окраинным уличкам города. Город спал, и только в кабаках, освещенных сальными свечами, шумели матросы.

Вот наконец и мрачное кирпичное здание казармы. Часовой спит, опервшись на длинное ружье. Кук обошел казарму вокруг и вышел на пустырь. Сюда свозился мусор со всего города и сжигался здесь в специально вырытых ямах. Кук подошел к одному из костров и остановился.

Ждать ему пришлось недолго.

Из зарослей исполинского чертополоха, оглядываясь по сторонам, вылезли три мрачные фигуры. Кук понял, что это и есть его «доброжелатели».

Доброжелатели оказались довольно пестрой компанией: белый, негр и мулат. Белый носил рваные военные брюки английского покроя, заплатанный синий жилет и широкополую войлочную шляпу. Кук сразу понял, что это беглый английский солдат. Мулат был желт, как воск, и лихо закручи-

вал свои франтоватые черные усы. На нем не было ничего, кроме грязных парусиновых штанов. Негр стоял в стороне, вращая белками. Шесть разноцветных босых ног бесстрашно попирали горячую пыль, усеянную колючками чертополоха.

— Мы слышали о вашем несчастье, сэр, — начал белый, обращаясь к Куку. — Мы вам сочувствуем от всей души. Мы даже готовы помочь вам — конечно, если вы... Скажу прямо, сэр, — а по-моему, настоящие джентльмены, вроде нас с вами, должны всегда говорить прямо, — мы беремся этой же ночью доставить вам ваших овец. Но вы должны вознаградить нас.

— Как же вы достанете моих овец? — спросил Кук.

— Не тревожьтесь, сэр. Нет такого замка, который мы не могли бы взломать. Нет такого забора, через который мы не могли бы перепрыгнуть. Нет такой сторожевой собаки, которую мы не могли бы отравить. Правду я говорю, ребята?

Мулат кивнул головой.

— Сколько вы хотите за доставку моих овец? — спросил Кук.

Вор расставил ноги, сдвинул шляпу на лоб и почесал затылок.

— По три гульдена на брата, — наконец вымолвил он. — Только для вас, с другого бы втрое взяли.

— Согласен, — сказал Кук.

— Дайте задаток.

— Задатка не дам, — возразил Кук. — Когда приведете овец,

получите деньги.

— Ладно. Через три часа будем в порту с вашим стадом.
По рукам!

И три разноцветные руки протянулись к нему.

Кук крепко пожал протянутые руки.

На следующий день, 30 ноября, «Решение» и «Открытие» на всех парусах неслись по Индийскому океану. По палубе «Решения», окруженные деревянной загородкой, мирно бродили овцы и бараны.

Тасмания

Омай — тот самый таитянин Омай, которого капитан Фюрно привез с собой в Англию, — теперь возвращался вместе с Куком к себе на родину. При английском дворе он имел шумный успех. Сам король подарил ему красный камзол.

— Ах, какой он забавный! — восклицали дамы, глядя, как он засовывает руку в общее блюдо и, набив полный рот, тщательно облизывает коричневые пальцы.

Омай скалил зубы, перескакивая через стулья, и то и дело наступал на шлейфы. Его восхищало решительно все: дилижансы, вина, мостовые, коровы, соборы и генеральские мундиры. Он был самым счастливым человеком в Великобритании.

Но он стал еще счастливее, когда снова очутился на корабле и понял, что едет домой, на Таити.

Но вот мыс Доброй Надежды остался позади. «Решение» и «Открытие» направились прямо к Тасмании.

Тасмания – большой остров, расположенный к югу от Австралии. Она была открыта еще в начале XVII века голландским путешественником Тасманом, но с тех пор ни одно европейское судно не посетило ее, кроме «Отваги», прошедшей возле ее берегов во время своего несчастного плавания от Новой Зеландии к мысу Доброй Надежды.

Корабли медленно плыли мимо покрытых густым лесом холмов этой неведомой страны. Кук заносил на карту каждый изгиб берега. Он искал бухты, чтобы остановиться, нарубить дров, накосить сена, запастись водой.

Вот наконец берег круто свернул к северу. Какая удобная гавань! Кук отметил ее на карте и приказал бросить якорь.

На берег отправилась целая экспедиция – дровосеки с топорами и пилами, косари с косами, фуражиры с бочками для пресной воды и рота вооруженных солдат. Кук тоже поехал с ними, захватив с собою Омая и доктора Андерсона.

Трава оказалась отличная, вода – вкусная, деревья – высокие, хоть мачты делай из них, и Кук не мог налюбоваться этой прекрасной страной. Скоро появились и ее обитатели. Это были черные люди, истощенные постоянными голодовками. Одежды они не знали никакой, не носили даже тряпочек вокруг бедер. У женщин на спинах болтались большие мешки из кенгуровой кожи, в которых сидели курчавые ребятишки.

Все эти люди столпились вокруг косарей и следили за работой, но в их глазах не было заметно ни удивления, ни любопытства.

Кук дал тасманийцам несколько ниточек бус, которые так восхищали таитян и новозеландцев, но они брали их без участия, не знали, что с ними делать, и бросали на землю.

Скоро дровосеки наткнулись на жилье этих людей. Оказалось, они не умели строить даже шалашей, даже землянок не умели выкопать, а жили в больших дуплах, которые выжигали кострами в стволах гигантских эвкалиптов.

Омай был удручен нищетой этого народа, населяющего такую прекрасную страну.

– Бедные, бедные! – говорил он, качая головой. – У них нет ни луков, ни копий. Им, верно, приходится есть одних червей да улиток. Недаром они такие тощие.

– Нет, ты ошибаешься, – сказал Кук. – Гляди, вон у того лохматого – копье.

Действительно, один из тасманийцев держал в руке длинную палку с обточенным концом. Он весьма воинственно потрясал ею и, видимо, нагонял страх на своих сородичей. Кук подошел к этому тасманийцу и знаками объяснил ему, что хочет посмотреть, как он швыряет копье. Тот почти сразу понял, чего от него хотят, показал Куку растущий у воды куст и швырнул в него свою палку. Но палка три раза перевернулась в воздухе и упала на песок в десяти шагах от куста.

– О-хо-хо! – засмеялся Омай. – Да у нас двухлетние дети

швыряют копья лучше, чем ты. Хочешь посмотреть, что такое настоящее оружие?

И, раньше чем Кук успел произнести хоть слово, хвастливый и пылкий Омай зарядил свое ружье и оглушительно выстрелил в небо. Трах-тах-тах-тах! – грянул выстрел. Трах-так-так-так! – ответило лесное эхо.

Тасманийцы, все как один, грохнулись ничком на землю. Потом разом вскочили на ноги и пустились наутек.

Кагура

Покинув Тасманию, наши путешественники поплыли дальше на запад и 12 февраля 1777 года увидели берег Новой Зеландии. Два дня спустя корабли стали на якорь в проливе Кука. Четвертый раз Кук посещал эти места и хорошо знал каждую отмель, каждый камень и риф.

Берега были снова густо заселены. Всюду, куда ни кинешь взор, торчали островерхие шалаши новозеландцев. На прибрежном песке лежало множество пирог.

Увидев корабли, новозеландцы пришли в смятение. Они были уверены, что англичане станут мстить им за своих съеденных соотечественников. Особенно их напугал Омай, которого они видели на «Отваге» вместе с капитаном Фурно. Уж он-то непременно будет уговаривать Кука истребить всех береговых жителей.

В этом они не ошиблись. Омай сразу узнал их и кричал,

потрясая кулаками:

— Горе вам, горе, злодеи! Тряситесь от страха! Пришел ваш последний час! Мы не щадим никого!

Он советовал Куку сначала разрушить деревни пушечными ядрами, а потом поджечь окрестные леса. Большинство офицеров и даже сам капитан Кларк считали совет Омая весьма благоразумным и ожидали, что Кук по крайней мере прикажет туземцам выдать зачинщиков убийства.

Но у Кука были совсем другие планы. «Чего я достигну, — думал он, — застрелив несколько человек и доказав им преимущество огнестрельного оружия над луками и копьями? Я только разожгу в них ненависть к нам. Разве после такой расправы мне удастся приучить их к овцеводству? Нет, они так навсегда и останутся людоедами!»

Кук твердо решил раздать своих овец новозеландским вождям и поэтому сразу объявил всем своим подчиненным, что отказывается от всякой мести.

На берегу реки против кораблей он разложил самые заманчивые для новозеландцев товары: бусы, красные ткани, топоры и ножи и, стоя на высоком пне, знаками предлагал туземцам приступить к мене.

Первые два дня новозеландцы не решались подойти к этому месту ближе чем на полмили. Но мало-помалу, ободренные миролюбивым видом англичан, они стали вылезать из лесов, таща на головах корзины с рыбой. Не доходя двадцати шагов до склада товаров, они останавливались и что-то хо-

ром кричали, размахивая руками. Потом подходили и спокойно обменивали рыбу на ткани и топоры.

Кук с помощью Омая в конце концов понял, о чем кричат новозеландцы.

— Не мы убивали твоих братьев, — старались они убедить Кука. — Их убил Кагура, кровожадный Кагура, могучий Кагура! Убей Кагуру, и твои братья будут отомщены!

Кук попросил Омая узнать у новозеландцев, кто такой Кагура. На другой день Омай рассказал ему, что Кагура — могучий, бесстрашный, свирепый вождь, владеющий всей этой местностью. Его боятся и ненавидят.

Они даже тайком шептали Омаю, что Кук доставит им большую радость, если убьет Кагуру. Омай спросил, почему они сами не убют своего ненавистного владыку, но те в страхе рассказывали ему, что вот уж пятнадцать лет Кагура правит всей страной и никому еще не удалось убить его.

— Убей Кагуру, — советовал Куку Омай. — Хочешь, я помогу тебе найти его?

— Найди его, Омай, непременно найди, — отвечал Кук. — Мне так нужен Кагура.

Но Кук хотел видеть Кагуру совсем не для того, чтобы убить его. Напротив, Кук хотел с ним подружиться.

«Если я отдам своих овец этим жалким рыболовам, — думал он, — их тотчас же украдут у них и убьют. А могущественный вождь, вроде Кагуры, получив овец, сумеет сохранить свою собственность».

Как-то утром Куку передали, что страшный Кагура стоит на берегу и хочет с ним повидаться. Кук сейчас же сел в шлюпку и поехал навстречу к своему нежданному гостю.

Кагура был высок, широкоплеч и мускулист. Все его тело было покрыто пестрой, как павлинье перо, татуировкой, — красные, лиловые и золотые узоры расползались по его спине, по лицу, по плечам, по животу, по бедрам. В руке он держал длинное древко копья, на которое был насажен стальной топор английского производства.

Увидев Кука, Кагура сделал несколько шагов ему навстречу.

- Здравствуй, великий вождь! — сказал Кук.
- Здравствуй, великий вождь! — сказал Кагура. — Посмотри, какой я тебе приготовил подарок.

Восемнадцать носильщиков поставили перед Куком девять корзин, доверху наполненных рыбой.

— Идем со мной, Кагура, — сказал Кук. — Я хочу угостить тебя в своем плавучем доме. Там я дам тебе столько всяческого добра, что ты станешь самым богатым человеком во всей стране.

Кук был уверен, что Кагура откажется ехать с ним на корабль. Не мог же он не понимать, что англичане могут там сделать с ним все, что захотят! И когда, не говоря ни слова, Кагура сел в шлюпку, Кук был глубоко потрясен его необычайной смелостью.

- Кагура, тебя убьют! — крикнул вслед отчаливающей

шлюпке один из приближенных вождя.

— Кагура ничего не боится, — последовал спокойный ответ.

В капитанской каюте стояли бутылки вина и блюдо с жареной солониной. Кагура ел, пил и вежливо всему удивлялся. Кук попросил Омая быть переводчиком и стал расспрашивать Кагуру о том, как произошло убийство матросов капитана Фюрно.

Кагура рассказывал охотно и просто. Видно было, что он ничего не скрывает.

Как оказалось, отряд, посланный за фруктами и овощами, остановился в заливе Растений на отдых. Матросы развели костер и принялись жарить рыбу. Увидев дым костра, Кагура вместе со своей свитой подошел к ним и поздоровался. Но матросы, не поняв его, ничего не ответили и продолжали есть, не обратив никакого внимания на новозеландцев. Один из воинов Кагуры был очень голоден и отнял у какого-то матроса недоеденный рыбий хвост. Матрос ударил вора, тот стал защищаться. Матросы вступились за своего, но новозеландцы — за своего, началась потасовка. Матросы дали залп в воздух. Но новозеландцы не испугались выстрелов.

Матросы были изрублены в куски раньше, чем успели снова зарядить ружья.

Когда Кагура кончил свой рассказ, Омай протянул Куку свое ружье и сказал:

— Вот убийца! Убей его!

Но Кук отстранил ружье.

– Этот убийца, – сказал он, – единственный человек во всей стране, который может сохранить моих овец. Я дарю ему половину своего стада.

Омай пожал плечами и, возмущенный, вышел из каюты.

Мальчики из Новой Зеландии

Кук передал Кагуре овец и объяснил ему, как их надо кормить. Кагура прислал на корабль груду свежей рыбы.

Но Кука одолевали сомнения. Он не был уверен, что его овцы могут расплодиться в Новой Зеландии. Кагура, казалось, плохо понял выгоды скотоводства и радовался овцам скорее как заморскому чуду, чем как источнику богатства.

Гуляя по берегу, Кук наткнулся на поле, которое в прошлую свое посещение Новой Зеландии он засадил картошкой. Картошка сильно разрослась. Но было видно, что заботливая человеческая рука никогда не пыталась разрыхлить для нее землю или выполоть сорную траву. А между тем картошка новозеландцам нравилась, и они с удовольствием погадали ее и сырой и печеной.

Одно утешало его: впереди были мирные таитяне, которые умели возделывать бананы и кокосы, пасли свиней на своих зеленых лугах. Они-то уж, во всяком случае, поймут пользу овец и сумеют их выходить. И Кук стал готовиться к отплытию.

Когда уже начали подымать паруса, на «Решение» явился

Омай с двумя пятнадцатилетними новозеландскими мальчиками и заявил, что он берет их с собой на Таити.

Кук испугался, не обманул ли Омай этих мальчиков, и объявил им, что они никогда уже не вернутся на родину, никогда не увидят друзей и близких. Но мальчики ни за что не хотели уходить с корабля.

Так два юных новозеландца пустились в плавание вместе с Куком.

Первое время они были веселы и довольны и даже ни разу не оглянулись на удаляющийся берег Новой Зеландии. Они бродили по пятам за Омаем, очевидно преклоняясь перед его умом и житейским опытом. Разлука с родиной нисколько их не огорчала.

Но их поведение совершенно изменилось, когда на второй день плавания началась качка и им пришлось помучиться морской болезнью. Тут они вспомнили родину, островерхие шатры, непроходимые леса, родителей, сестер и братьев. Они были уверены, что умирают, и горько плакали, проклиная тот час, когда согласились сесть на корабль и отправиться в чужие страны.

Впрочем, их отчаяние длилось недолго: к вечеру качка утихла, морская болезнь прошла, и они мало-помалу утешились.

Острова Кука

Был уже конец марта, в Северном полушарии начиналась весна, и Кук понял, что в этом году ему уже не удастся приступить к поискам Северо-Западного прохода. Он прибыл бы в Америку не раньше августа, а уже в сентябре холода заставили бы экспедицию вернуться на юг.

И он решил посвятить остаток 1777 года исследованию островов Южного полушария.

Уже в конце марта он открыл небольшую группу островов. Он назвал их островами Кука.

Острова Кука, так же как Таити и Новая Зеландия, были населены полинезийцами. Кук посетил остров, называвшийся Ватуа.⁵

Здесь Омай помог Куку сделать чрезвычайно важное открытие. Он встретил на Ватуа трех своих земляков-таитян.

Кук сначала не поверил этому. Неужели таитяне в своих челнах могли пересечь колоссальное водное пространство, отделяющее Таити от Ватуа? Но Омай привел их на корабль, и они рассказали Куку свою историю.

Девятнадцать лет назад они трое да еще один их товарищ сели в лодку и отправились на расположенный рядом с Таити остров Улиетея. Это не трудное путешествие. Туземцы обычно совершают его в два-три часа. Но на полпути нача-

⁵ Теперь – остров Ватоа.

лась буря, она унесла их в открытый океан и три недели носила по бушующим волнам. Товарищ их умер от голода. Но лодка не потонула. И в конце концов их, полумертвых, вынесло на берег Ватуа.

Эти три таитянина своим рассказом разрешили важную научную задачу, давно занимавшую умы европейских учёных: каким образом люди могли расселиться по тихоокеанским островам, так далеко расположенным друг от друга. Ведь кораблей у островитян нет, а лодки, казалось бы, годны только для небольших прибрежных поездок. И вот Куку пришло в голову, что море может заносить на острова людей случайно, так же, как оно заносит туда семена трав и растений.

Кук предложил таитянам отвезти их обратно на родину, но они отказались. На Ватуа у них уже были и жены и дети. Им не хотелось их покидать.

Омай был очень рад этой встрече с земляками. Он водил их по кораблю и, между прочим, показал им овец. К удивлению моряков, те приняли овец за гигантских птиц и спрашивали, почему им отрезали крылья.

Потом они повезли Омая на берег. С ними поехал лейтенант Гор, который хотел осмотреть остров. Ватуйцы окружили их и следовали за ними огромной толпой, куда бы они ни шли. Омай увидел яму, в которой горел костер, обложенный со всех сторон раскаленными камнями, и испугался. Он решил, что попал к людоедам и его сейчас изжарят на этих

камнях. Но оказалось, что намерения у ватуйцев были самые добрые. Они изжарили на камнях рыбу и накормили гостей.

Под вечер Гор и Омай решили вернуться на корабль, но ватуйцы не хотели их отпускать. Они говорили:

– Живите с нами. Вам будет хорошо.

Гор попробовал подойти к своей шлюпке, но его схватили сзади за камзол, и он не мог сделать ни шагу.

Тогда Омай показал ватуйцам пушки, торчавшие из бойниц кораблей, и сказал, что каждая такая пушка одним своим выстрелом может уничтожить весь их остров.

– Если мы сейчас не вернемся на корабль, великий вождь Кук начнет стрелять.

Ватуйцы громко захохотали. Они решили, что Омай врет, чтобы их запугать.

Тогда Омай достал два ружейных патрона, высыпал из них порох в ямку, засыпал песком, сделал из сухой травы фитиль и поджег его. Раздался взрыв. Ватуйцы побледнели от страха.

– Это я только пошутил, – заявил Омай. – Но если вы нас не отпустите...

Их сразу же отпустили.

Покинув Ватуа и открыв еще несколько маленьких островков, Кук повернулся на запад и поплыл к островам Тонга, которые он в предыдущее свое плавание назвал островами Дружбы.

Праздник урожая

Жители островов Дружбы встретили их приветливо. Был конец осени (май в Южном полушарии соответствует нашему ноябрю). Островитяне только что сняли урожай и шумно праздновали это событие.

Над каждым островом стоял гул от песен и барабанного боя. Более удачного времени для торговли нельзя было придумать. Жители островов отдавали груды плодов за топор и кусок бумажной материи. Мореплавателей всюду приглашали принять участие в празднествах, и они, утомленные трудной и однообразной морской жизнью, охотно веселились вместе с островитянами.

Островитяне широким кругом расселись на траве. Забили в барабаны, сделанные из выдолбленных пней, и в середину вышел молодой воин с копьем в руке. Громко и дерзко он начал вызывать желающих вступить с ним в поединок. Охотник тотчас же нашелся, и закипел бой. Они налетали друг на друга, нанося и отражая удары. Толпа подбадривала их протяжным воем. Но англичане сразу заметили, что это только игра, только безобидное фехтование, что каждый старается не ранить нечаянно противника. Наконец один слегка коснулся острием копья груди другого и был признан победителем.

Снова забили барабаны, и начался кулачный бой. Одна

пара бойцов сменяла другую, и наконец, к удивлению англичан, в круг вышли две толстые женщины, которые с необыкновенной ловкостью и яростью принялись наносить друг другу удары.

Когда все эти состязания кончились, островитяне стали просить Кука показать им искусство белых людей. Кук вывел на берег роту морской пехоты и устроил целый парад – с духовой музыкой, с маршировкой, с учебной стрельбой в цель.

Островитяне были в восторге. Особенно им понравился вид сияющих медных труб и оркестра. Впрочем, к самой музыке они остались равнодушны и восхищались только грохотом барабана.

После парада им сейчас же захотелось показать свое преимущество над белыми людьми. Сто пять раскрашенных воинов построились колонной и замаршировали, расходясь в разные стороны, то по двое, то по трое и снова сходясь вместе. Точностью, стройностью и однообразием движений они далеко превзошли хорошо обученных солдат. Их шаги все ускорялись, взмахи рук становились все шире, и наконец маршировка превратилась в бешеный пляс. Они отбивали такт ладонями по своим голым телам, и вся толпа, пришедшая в дикий восторг, подывала им горланным размеренным воем. Это странное представление продолжалось до тех пор, пока все пляшущие не упали в изнеможении на землю.

Кук решил воспользоваться наступившими сумерками и позабавить туземцев фейерверками. Посланный на судно че-

ловек привез с собой ракеты, и в вечернее небо с треском понеслись огромные разноцветные звезды, над вершинами деревьев медленно поплыли сверкающие шары, и на прибрежье завертелись шумные огненные колеса. Островитяне были потрясены, восхищены и напуганы этим необычайным зрелищем. Они безмолвно, затаив дыхание, следили за каждой ракетой и с тех пор стали считать англичан чародеями.

После обильного ужина, состоявшего из бананов и плодов хлебного дерева, праздник продолжался. Сначала плясали девушки с белыми цветами в черных волосах, потом почтенные матери семейств, потом юноши, взрослые воины и седоволосье вожди. Все они были ловки, проворны и неутомимы.

Ночь была звездная и теплая. Над головами моряков колыхались листья пальм. Спокойный океан шелестел прибрежным песком. Путешественники давно уже не проводили время так приятно.

Праздник продолжался до утренней зари, и было уже совсем светло, когда англичане, утомленные, вернулись на корабль.

Моряки переплывали от одного острова архипелага к другому, и везде их встречали радушно. Они могли ходить всюду, где им вздумается, делать все, что хотят. Островитяне особенно привязались к Омаю, они упрашивали его остаться навсегда на островах Дружбы и даже обещали повиноваться ему, как вождю. Но Омай стремился на родину.

Кук закупил множество съестных припасов, но, к сожалению, нигде не мог достать хорошую пресную воду – во всех речках островов Дружбы вода была горькая и мутная.

И он поспешил к чистым ручьям Таити.

Возвращение Омая

На Таити Омай был встречен с равнодушием. Никто не обращал на него внимания. О-Ту, прибыв на корабль, едва с ним поздоровался. Одна только сестра Омая, бедная женщина, обремененная множеством детей, прослезилась, увидев своего брата, объехавшего весь свет.

И Омай пал духом. Он ожидал совсем другого приема.

– Не огорчайся, – говорил ему Кук. – Мы заставим их тебя уважать. Они ведь еще не знают, как ты богат.

На другой день они вместе поехали к О-Ту. Омай положил перед королем дюжину топоров, несколько шляп с перьями, несколько красных камзолов и ящик гвоздей. О-Ту был потрясен таким щедрым подарком, полученным от своего подданного.

– Это для него пустяки, – сказал Кук. – Он теперь так богат, что мог бы купить всю вашу страну, и то не обеднел бы.

И отношение к Омаю переменилось. За ним ходили целыми толпами и подобострастно глядели ему в глаза. И что хуже всего, у него вдруг нашлось очень много приятелей, каких-то забулдыг, которые спаивали его кавой и выпрашивали

ли у него топоры, ткани и разные заморские диковинки.

Омай действительно был очень богат. В Англии каждый дарил ему какую-нибудь безделицу. А Кук дал ему множество полезных в хозяйстве вещей, надеясь, что он научит таитян, как обращаться с ними.

Но Омай был легкомыслен и простодушен. Он верил льстецам и ничего не жалел для них. И сокровища его быстро таяли.

Кук решил спасти Омая от разорения. Он позвал его в каюту и долго с ним говорил. Но, чувствуя, что из этого ничего не выйдет, он предложил ему поселиться на маленьком островке Гюагейне, расположенному в нескольких милях от Таити.

«Там мало народу, — думал Кук, — и грабить его будет некому».

Омай согласился. Он считал Кука мудрейшим человеком в мире и привык уважать и слушаться его.

Незадолго до отъезда с Таити Кук гулял по берегу вместе с О-Ту и вдруг увидел дом.

Это был настоящий дом. Не бамбуковая таитянская хижина, а деревянный европейский дом с четырьмя застекленными окнами, с дверью на железных петлях, с черепичной крышей. Чистенький, новенький, с каменным крылечком, он казался таким обыкновенным, как будто стоял не на далеком острове, а где-нибудь на окраине большого европейского города.

Кук распахнул дверь и вошел.

Никого. Пусто. Деревянная кровать без матраца, на ней старая шляпа, медный чайник, а в углу большой крест.

Кук подошел к кресту. На горизонтальной перекладине было написано по-латыни:

«Christus vincit» – «Христос побеждает».

А на вертикальной сверху вниз:

«Carolus III imperat, 1774» – «Карл III повелевает, 1774».

Здесь несомненно побывали испанцы. Испания была старинной соперницей Англии, постоянно враждовавшая с ней из-за колоний. Испанцы всюду, где могли, покоряли жителей отдаленных стран, обращали их в рабство и увозили их в свои южноамериканские колонии.

Расспросив О-Ту, Кук выяснил, что у берегов Таити побывал испанский корабль. Командовал этим кораблем капитан Орада. Тайтяне приняли испанцев ласково, так как Кук приучил их без опаски относиться к европейцам. Лес для постройки домика испанцы привезли с собой из-за моря. В домике поселился человек в черном одеянии до пят и с круглой лысиной на голове – католический патер. Он что-то говорил тайтянам, размахивая крестом, но они ни слова не поняли из его речей. Впрочем, корабль скоро ушел, увезя с собой и человека в черном.

– Они, кажется, были добрые люди, – заметил О-Ту. – Мне они подарили большой кусок синей материи.

Кук не стал разуверять его. Но уступать Таити испанцам

он не собирался. На обратной стороне креста он приказал вырезать:

«Капитан Кук, 1769, 73, 74 и 77».

На прощание Кук подарил О-Ту барана и трех овец. О-Ту очень обрадовался, велел выстроить для них специальную загородку, из собственных рук кормил их сеном и даже сам их доил. Кук чувствовал, что его овцы здесь не погибнут.

29 сентября 1777 года «Решение» и «Открытие» снялись с якорем и отправились к острову Гюагейне. Вождь этого островка был вассалом О-Ту и принял Кука дружелюбно. Омай преподнес ему ценный подарок, и тот так обрадовался, что даже расцеловал богача таитянина. Кук объяснил, что Омай хочет навсегда остаться на Гюагейне, и попросил отвести ему участок земли. Кук велел матросам выстроить для него дом в три комнаты. Рядом с домом был воздвигнут хлев, так как Кук решил подарить Омаю всех оставшихся овец, – он знал, что Омай от природы хороший хозяин и овцы у него расплодятся, если он только не раздарит их кому-нибудь. Для хранения заморских сокровищ он дал Омаю три дубовых сундука с замками. У Омая было уже ружье, но он так неотступно просил у Кука еще какого-нибудь оружия, что Кук подарил ему два пистолета и большую саблю.

С ним должны были остаться и оба новозеландских мальчика, к которым он относился с отеческой нежностью. Омай был очень доволен.

Но, когда настал наконец день разлуки, Омай расплакал-

ся. Его пришлось силой оторвать от капитана.

Гаваи

Прошло уже много месяцев с тех пор, как Кук покинул Англию, а его экспедиция еще даже не приступала к главной своей цели – поискам Северо-Западного прохода. Надо было спешить.

Корабли снялись с якорей и пошли прямо на север. 22 декабря 1777 года они перешли экватор.

Кук никогда еще не был в северной части Тихого океана. Он знал, что это совсем неисследованная область. Редко-редко туда заходил какой-нибудь разбойничий корабль, но возвращался ни с чем, не найдя там ничего, кроме безграничного моря.

Поэтому Кук был очень удивлен, увидев длинную цепь больших гористых островов, не обозначенных ни на одной карте.

Почти каждый остров был вдвое больше Таити. Горы тоже казались выше и скалистее. Но во всем остальном этот архипелаг чрезвычайно напоминал Таити. Такая же пестрота красок, такие же курчавые, тенистые рощи, такие же сырватые долинки, заросшие сочной травой, такое же множество цветов, птиц, бабочек. А когда Кук приказал бросить якорь и съехать на берег, он увидел, что и люди здесь такие же.

Впрочем, люди были не совсем такие, как на Таити. Они

тоже говорили на полинезийском языке, имели тот же кофейный цвет кожи, жили в таких же жилищах, так же одевались, но Кук сразу заметил, что они культурнее и богаче таитян.

Они гораздо лучше таитян разбирались в настоящей ценности вещей, которые покупали у Кука. Железо было им хорошо известно, они понимали его полезность и платили за него очень дорого. За топор можно было купить целую лодку бананов. Но стеклянные бусы они ни во что не ставили и не хотели их брать.

Свиней у них было больше, чем у таитян, и сами свиньи были крупнее и жирнее. Бананы и кокосы росли на хорошо обработанных полях и давали большие урожаи.

Государственное устройство, насколько мог заметить Кук, здесь тоже было сложнее, чем на Таити. Его сразу окружили высокопоставленные вожди, а народ толпился в отдалении, не смея подойти к своим владыкам.

Островитяне встретили Кука очень приветливо, и он мог свободно бродить где ему вздумается. Во время прогулок он наткнулся на прекрасное озеро, такое огромное, что противоположного его берега не было видно.

Одно только не нравилось капитану: жители этих островов нагло крали у англичан все, что плохо лежало. Но ему не хотелось на первых же порах ссориться с островитянами, и он смотрел сквозь пальцы на все их дерзкие выходки.

Путешественники понимали, что это одно из самых круп-

ных и важных их открытий. Куку хотелось остаться здесь, внимательно исследовать эти острова. Но он спешил к берегам Америки, ему нужно было еще отыскать Северо-Западный проход. Лето коротко, и нельзя терять ни одного дня.

2 февраля 1778 года он вышел в море, решив еще вернуться сюда, если представится возможность.

Кук назвал этот архипелаг Сэндвичевыми островами – в честь графа Сэндвича, первого лорда Адмиралтейства.

Но имя чванного графа не удалось увековечить. Туземцы издавна прозвывали свои острова Гаваями, и так это название навсегда за ними и осталось.

Северная Америка

Американский берег они увидели в начале марта, на 44° северной широты.

Здесь весна только еще началась, и в сосновых лесах, куда не проникали солнечные лучи, лежал снег. Моряки, избалованные долгим пребыванием в тропиках, теперь жестоко страдали от холода, дождя и сырого, пронизывающего ветра.

Кук хотел как можно скорее высадиться на берег, но нигде не находил удобного для стоянки места и в течение целой недели шел к северу, держась в двух милях от земли.

Однажды утром стоявший на вахте офицер закричал:

– Пролив! Пролив! Я первый увидел его!

Кук выбежал на палубу. Он волновался. Неужели им уда-

лось найти долгожданный пролив, соединяющий Тихий океан с Атлантическим?

Действительно, берег раздваивался, и узкая полоска воды уходила в сушу.

Оба корабля один за другим вошли в этот канал и очутились в просторной бухте, со всех сторон окруженной землей.

Дальнейший путь был прегражден. Вместо пролива они нашли залив.

Но и это было кстати. Кук решил здесь остановиться, отдохнуть, запастись водой и дровами.

Берег был обитаем. Из леса вышли люди, одетые в лохмистые шкуры.

По медно-красному цвету их кожи Кук сразу признал в них индейцев. На спинах у них висели длинные, узкие луки. С левого бока болтались колчаны, сшитые из пестрых беличьих и заячьих шкурок. Из колчанов торчали стрелы с кремневыми наконечниками. В руках они держали каменные топоры – томагавки, на деревянных рукоятках которых были вырезаны медвежьи морды с разинутой пастью.

Прибытие англичан не удивило индейцев. Они уже слышали от соседних племен о белых, об их могуществе и богатстве. Один индеец показал Куку железный топор и знаками объяснил, что хотел бы купить еще такие топоры или какие-нибудь другие железные вещи. Так как европейцы никогда еще не были у этих берегов, то оставалось предположить, что с железом жители этого берега познакомились че-

рез какие-нибудь другие племена, ведущие торговлю с Канадой или Мексикой. Кроме железа, они ничего покупать не желали, но зато за несколько гвоздей отдавали котиковые и лисьи шкуры, которые так дорого ценились в Англии. Гвозди и топоры на кораблях уже почти все вышли, и Кук стал продавать индейцам старые ведра и остатки ржавых цепей.

Залив, в котором стояли «Решение» и «Открытие», они называли «Нуткл», но англичане для простоты переименовали его в залив Нутка и так и отметили на своей карте.

Кук торопился дальше на север искать пролив. 1 мая корабли снялись с якорей и вышли из залива Нутка.

Опять вдоль правого борта потянулись однообразные лесистые берега. Днем и ночью следили моряки за землей, но нигде не видели даже намека на пролив. Кука тревожило, что берег, вместо того чтобы поворачивать к северо-востоку, тянулся к северо-западу. Все большее и большее пространство суши отделяло их от Атлантического океана, все менее вероятным становилось существование пролива.

Приближалось лето. Но они плыли к северу, уходя от тепла, и их всюду сопровождала холодная, дождливая погода ранней весны. Многие моряки простудились.

В первых числах июня, уже на 59° северной широты, в береговой линии был замечен новый разрыв. Опять раздались крики, что проход в Атлантический океан найден.

Теперь это казалось гораздо более вероятным. Проход был так широк, что, плывя по его середине, Кук едва разли-

чал берега. Целый день корабли шли к востоку, не встречая никакой преграды.

Кук хмурил брови, притворялся, что ничего хорошего не ждет, говорил, что радоваться еще рано, но сам с трудом сдерживал радость. Неужели это тот самый Северо-Западный проход, который ищут уже столько лет?

Однако утром следующего дня берега сблизились. Длинные тени прибрежных сосен доходили почти до самых кораблей. Моряки ясно различали бродивших в лесу индейцев, таких же, как у залива Нутка.

В полдень мыли палубу. Матрос опустил за борт ведро и зачерпнул воды. Пораженный ее прозрачностью, он отхлебнул глоток.

– Пресная! – крикнул он.

Кук кинулся к ведру, тоже хлебнул.

Он понял все.

Они находились в устье большой реки, впадающей в морской залив. По мере их удаления от океана залив незаметно превратился в реку.

Нет Северо-Западного прохода.

Кук приказал повернуть обратно.

К нему подошел лейтенант Гор и сказал:

– Офицеры решили назвать эту реку вашим именем. Мы так уже и написали на карте: «Кукова река».

Но Кук только махнул рукой и ушел к себе в каюту. Он был глубоко огорчен.

Назавтра они вышли в океан.

Дальше американский берег круто заворачивал к западу.

Они продолжали свое плавание вдоль береговых линий и скал, уже не надеясь найти пролив.

Таинственное письмо

19 июня с «Открытия» дали сигнал, что капитан Кларк хочет поговорить с капитаном Куком. Кук обеспокоился и тотчас же послал на «Открытие» шлюпку. Через полчаса она вернулась вместе с Кларком.

– Что случилось? – спросил Кук.

– Мы получили письмо.

– Что?

– Письмо, написанное черными европейскими чернилами на тряпичной европейской бумаге.

Кук не поверил. Мыслимая ли это вещь – получить письмо в неведомых морях, расположенных между Америкой и Азией, среди диких островов, не нанесенных ни на одну европейскую карту?

– Вот оно, – сказал капитан Кларк, положив на стол толстый бумажный лист, исписанный крупным писарским почерком с хвостами и завитушками.

– Как вам его доставили?

– Час назад мы увидели идущую навстречу лодку. В ней сидело четыре человека, с ног до головы закутанные в звери-

ные шкуры. Они нам кланялись, понимаете, кланялись, как кланяются, здороваясь, европейцы. Ведь вы знаете, индейцы и алеуты при встрече никогда не кланяются.

– Какого цвета была их кожа?

– Признаться, не разглядел. Лица их густо заросли бородами.

– Что же вы сделали?

– Я бросил им канат, они привязали к нему шкатулку, и в этой шкатулке оказалось письмо. Они снова поклонились и уехали.

– А вы знаете, что это за письмо?

– Нет. Оно написано на непонятном языке.

Кук склонился над письмом и стал пристально вглядываться в его ровные, отчетливые строки. Многие буквы казались знакомыми и понятными, но остальные были похожи на какие-то причудливые закорючки.

Куку удалось разобрать только две даты: 1776 в начале письма и 1778 в середине.

– Письмо написано по-русски, – сказал Кук. – В этом не может быть никакого сомнения.

– Вы хотите сказать... – начал было капитан Кларк.

– Да, я хочу сказать, что мы находимся недалеко от Сибири и что эти места посещают русские. Западное побережье Северной Америки, вместо того чтобы отклониться к востоку, в сторону Атлантического океана, как это предполагали географы, отклоняется в действительности к западу. Азия и

Америка здесь почти сходятся. И русским это хорошо известно.

Это было ошеломляющее открытие.

Кук понял, что существование Северо-Западного прохода маловероятно. Адмиралтейство напрасно приспало его суда. На севере Американский материк шире, чем где бы то ни было. Можно ли надеяться, что вся эта необъятная толща суши прорезана поперечным проливом?

Кроме того, разрешался и другой вопрос, имевший чисто научное значение: как заселилась Америка? Многие учёные того времени полагали, что американские индейцы были созданы природой отдельно от остального человечества и никогда не находились ни в каких сношениях с жителями Старого Света. «Можно ли предполагать, — рассуждали они, — чтобы предки индейцев могли перебраться в Америку на своих пирогах через Атлантический или Тихий океан?» Теперь эта теория рушилась. Куда проще было представить себе, что индейцы переселились в Америку из так близко расположенной Азии, чем вообразить, что человек самостоятельно зародился и в Восточном полушарии и в Западном.

Кук оставил ничего больше не обещающие берега Америки и повернулся прямо на запад. Он решил точно измерить расстояние между обоими великими материками.

Густой холодный туман скрывал черные подводные камни и мелкие островки. Трудно было плыть по этому бурному северному морю. Всё новые и новые опасности ежеми-

нужно подстерегали корабли. Приходилось лавировать, сворачивать с прямого пути то к северу, то к югу, а порой иозвращаться назад.

На кораблях свирепствовали болезни. Капитан Кларк кашлял кровью. Естествоиспытатель Андерсон слег, и положение его было признано безнадежным.

3 августа Андерсон скончался. Смерть его была большой потерей для экспедиции. Этот веселый собиратель бабочек и набивальщик чучел, смешивший матросов своим восторгом перед каждым листиком неведомой европейцам травки, был великим знатоком зоологии и ботаники.

Первый же открытый после его смерти остров Кук назвал островом доктора Андерсона.

Корабль плыл к Азии. Но американский берег еще круче завернул на запад, и наши путешественники все не могли с ним расстаться. Только 9 августа он остался позади, длинным мысом врезаясь в море.

А на другой день на западе была замечена новая земля.

— Ура! Азия! — закричали моряки.

Азия оказалась всего в тридцати милях от Америки. А английские ученые до сих пор утверждали, что расстояние между обоими материками не меньше тысячи миль!

На азиатском берегу они увидели несколько шалашей, сделанных из кольев и шкур. Возле воды стояли люди и яростно швыряли камни в сторону судов. Это были чукчи.

Эти отважные люди, вооруженные только камнями, что-

бы отстоять свою родину, готовы были вызвать на бой сорокапушечные фрегаты. Кук решил не высаживаться на берег и повернул к северу. Ему хотелось как можно дальше проплыть по туманному, холодному морю, разделяющему два материка.

«А вдруг этим путем я доберусь до полюса?» – мечтал он и готовился к отважной борьбе с полярной стужей.

Но на 70° северной широты путь ему преградили сплошные ледяные поля.

Много раз он проплывал от Азии к Америке и обратно, ища хоть узкого прохода сквозь это нагромождение льдин. Все было напрасно. Сверкающие льды застилали весь северный горизонт. На них лежали исполинские моржи, грелись на солнце и приподымали усатые, клыкастые морды, чтобы поглядеть на проходящие мимо корабли.

Приближалась осень, и Кук повернулся назад, на юг. Зиму нужно было провести в теплых странах.

Кук решил в будущем году снова вернуться сюда, чтобы постараться проникнуть как можно дальше на север.

Русские

Вскоре они наткнулись на большой остров с отличной гаванью.

Жители острова оказались алеутами. Они сказали, что остров называется Уналашка, и охотно продавали путеше-

ственникам свежую лососину.

8 октября на «Решение» явился пожилой алеут и вручил капитану Куку письмо, написанное на неведомом языке, и ржаной хлебец, внутри которого была запечена лососина.

При этом он, низко кланяясь, несколько раз повторил непонятное слово.

— Кто прислал тебя к нам? — спросил Кук.

— Русс, — ответил алеут, догадавшись, о чем его спрашивают.

Кук отправил на берег капрала Ледьярда, поручив ему разыскать русских.

Два дня спустя Ледьярд возвратился в сопровождении трех незнакомых мужчин. Это были русские.

Старшего из них звали Яковом Ивановичем Сапожниковым. Он был капитаном корабля, стоявшего у противоположного берега острова. Двое других были его подчиненные — офицер Герасим Григорьевич Измайлов и матрос Петров.

На вид они казались людьми простыми, не слишком искушенными в науках, но все же Кук был нескованно рад этой встрече. Это были первые европейцы, которых он увидел за два года своих странствий. За обедом они ели ножом и вилкой и чокались бокалами с английскими офицерами. В капитанской каюте они внимательно разглядывали различные морские приборы, и Кук увидел, что они хорошо знакомы с ними.

Он решил показать гостям свою только что составленную

карту островов, расположенных между Азией и Америкой. Измайлов внимательно осмотрел карту, потом вдруг засунул руки себе за пазуху и вытащил тщательно сложенный лист бумаги. Это была карта тех же самых островов. Но какая карта! Все, что у Кука было только приблизительно намечено, на русской карте было зарисовано с точностью. Сколько здесь было не замеченных Куком островов и подводных камней! У каждого острова обозначены были все заливы, где могут останавливаться суда. В каждом проливе был отмечен фарватер.

— Откуда у вас эта карта? — закричал Кук. — Ведь ей цены нет!

Измайлов что-то ответил на своем языке, но Кук разобрал только одно слово: «Беринг».

Капитан Беринг! Так вот оно что! Это карта капитана Беринга!

До англичан доходили смутные слухи, будто лет сорок тому назад капитан русской службы Беринг переплыл из Сибири в Америку. Но все считали это маловероятным. Слишком уж далекой казалась Америка от Азии.

Кук схватил карандаш и линейку и стал исправлять свою карту, сверяя ее с картой русских. Сперва он перенес к себе все очертания берегов, потом зачеркнул все названия, которые он раздал разным островам, и стал спрашивать, как они назывались по-русски. И карта его покрылась непонятными, трудно произносимыми надписями: остров Туманный,

Медвежий, Бесплодный. А северо-западный выступ Америки, находившийся так близко от Сибири, оказалось, называется полуостров Аляска.

И только одно наименование Кук самостоятельно занес на свою карту. По синему пространству, разделяющему оба материка, он написал: «Берингов пролив».

Судно, капитаном которого был Сапожников, пришло сюда из порта Петропавловск-на-Камчатке. Оно привезло с собой груз муки и табаку, которым русские снабжали алеутов в обмен на котиковые шкуры. Кук написал письмо в Лондон и попросил своих гостей сдать его в Петропавловске на почту. Те охотно согласились и, как потом выяснилось, исполнили его просьбу. Письмо шло через Иркутск, Тобольск, Москву и Петербург и пришло в Лондон через полтора года.

На прощание Кук подарил русским морякам несколько бутылок вина, которого они не пробовали уже много лет. Русские предлагали Куку перезимовать в Петропавловске, но он отказался.

Он считал, что гораздо полезнее будет провести зиму в жарком климате, на недавно открытых Гавайских островах и получше изучить их.

В конце октября, попрощавшись со своими новыми друзьями, мореплаватели покинули Уналашку и месяц спустя увидели высокие горы Гавайского архипелага.

Жрецы и вожди

В течение почти целого месяца Кук кружил возле Гавайского архипелага, переезжая от острова к острову, нигде не приставая; он искал удобного места для стоянки. Но все бухты были малы и мелководны.

Только 17 января 1779 года «Решение» и «Открытие» наконец вошли в прекрасную гавань Каракакуа на острове Мауи. Спустили стеньги, отвязали паруса. Путешественникам предстояла долгая стоянка. Надо было починить все повреждения, запастись провизией и отдохнуть, потому что о возвращении в Англию раньше чем через год нечего было и думать.

Нигде еще Кука не встречала такая многолюдная толпа. Берег был черен от людей. Бесчисленные лодки неслись на встречу кораблям. И Кук, сойдя в каюту, записал в корабельном журнале:

«Мы не нашли великого Северо-Западного прохода. Но открытие Сэндвичевых островов щедро вознаградило нас за эту неудачу. Никогда еще никто из европейцев, странствовавших по Тихому океану, не встречал такой богатой и такой населенной земли».

Это была последняя запись, занесенная в корабельный журнал рукой Кука. Он не думал, что самая богатая из всех открытых им земель будет местом его гибели.

Гавайцы без всякой боязни влезали на корабли. Каждый предмет удивлял их. Они вслед за своими пышно разодетыми вождями сновали по всем закоулкам.

Из вождей особенно обращал на себя внимание высокий молодой человек с красивым, умным лицом и величественной осанкой. Звали его Переа. Он пользовался уважением среди своих соплеменников. Кук заметил, что Переа гораздо внимательнее остальных прислушивался к речам англичан, объяснявшим гавайцам назначение парусов и мачт. Он сразу полюбил этого красивого юношу и щедро одарил его. Переа не остался в долгу и впоследствии не раз оказывал английским морякам важные услуги.

Несколько часов спустя на «Решение» прибыл грязный стариk, покрытый гнойными струпьями. Под мышкой он нес крохотного, пронзительно визжавшего поросенка.

– Коя! Жрец Коя! – закричали гавайцы, боязливо расступаясь перед ним.

Коя торжественно подошел к Куку, накинул ему на плечи красный плащ и вручил поросенка. Потом оглушительно крикнул:

– Рено! Рено!

И упал на колени, простирая руки к удивленному капитану.

– Рено! Рено! – закричали гавайцы, тоже падая на колени.

Англичане были поражены этими странными почестями. Нигде еще перед ними не падали на колени.

Расспросы ни к чему не привели. Так Кук никогда и не узнал, за кого его приняли гавайцы.

И только шестьдесят лет спустя долго жившему на Гавайских островах американскому исследователю Эллису удалось найти разгадку.

Как выяснил Эллис, у гавайцев существовало предание, будто могущественный вождь Рено, живший в незапамятные времена, по ложному доносу одного недруга убил свою любимую жену. Узнав, что жена его была ни в чем не повинна, Рено помешался от горя и стал бродить по всему острову, убивая всех, кто попадался ему на пути. Утомившись убийствами, но не насытив своей жажды крови, он сел в ладью и отчалил от берега, обещая вернуться через много лет на крылатом плавучем острове, населенном людьми, собаками и свиньями.

Предание это сохранилось в народных песнях и священных сказаниях гавайцев.

Увидев английские корабли, жрецы сразу поняли, какую выгоду они могут извлечь из прибытия чужеземцев. Разве Кук не похож на Рено? Разве его корабли нельзя выдать за крылатые плавучие острова? Разве на них нет людей, собак и свиней, обещанных в священном предании? Появление перед народом живого Рено должно было чрезвычайно поднять уважение к религии и увеличить доход жрецов.

Коа был жрецом храма, посвященного Рено. Принеся в жертву вернувшемуся святому поросенка, он поехал на бе-

рег и объявил всему народу, что капитан Кук не кто иной, как сам Рено, возвратившийся на родину, а его корабли – плавучие острова.

И гавайцы стали считать Кука богом. Едва он съехал на берег, как вся толпа пала перед ним на колени, а жрецы обратились к нему с молитвами. Кук был чрезвычайно удивлен этими почестями.

Его повели в храм. Лейтенант Кинг, ни за что не хотелый оставить капитана, пошел вслед за ним.

Храм окружали колья, на которых были надеты человеческие черепа.

Немало человеческих жертв требовали кровожадные боги. У входа в храм стояло два деревянных идола, одетых в пурпурные мантии.

Внутри храма находился большой бамбуковый помост, служивший алтарем. На помосте лежали труп свиньи и груда фруктов. Вокруг помоста стояло двенадцать истуканов с безобразными и грозными лицами.

Десять младших жрецов внесли в храм живую свинью и кусок красной ткани. Коа с необычайной ловкостью, одним взмахом руки, окутал этой тканью Кука. Младшие жрецы затянули хором священный гимн. Коа взял Кука за руку и стал поочередно подводить его к каждому истукану.

Как это ни странно, но Коа чрезвычайно непочтительно обходился со своими богами. Он презрительно хохотал им в лицо и щелкал пальцем по их раскрашенным носам. И толь-

ко перед одним из них, самым толстым и самым благодушным, он преклонил колени и предложил Куку сделать то же самое.

После многих обрядов капитану поднесли зажаренного поросенка и мешок кореньев, из которых изготавляется ка-ва.

«Переа и Коа, – говорил в своих записках лейтенант Кинг, – распоряжались всей церемонией. Угостив нас кавой, они раскрошили мясо поросенка на мелкие кусочки и стали класть их нам в рот. Мне не было противно брать их из рук Переа, человека очень чистоплотного, но Кук, которого кор-мил сам Коа, чувствовал себя прескверно, тем более что вид лежавшей рядом полусгнившей свиньи доводил его чуть не до рвоты. Отвращение капитана достигло еще большей сте-пени, когда почтенный жрец принял в знак особой учти-вости и уважения сам разжевывать куски мяса и только тогда совать их ему в рот».

После этой церемонии Кука проводили обратно в шлюп-ку. Перед ним шли четыре жреца, неся в руках жезлы, укра-шенные косматыми собачьими хвостами.

– Рено! Рено! – громко кричали они, и встречные гавайцы падали на колени.

Прибытие живого Рено чрезвычайно подняло и укрепи-ло власть и могущество жрецов. При всяком неповиновении они угрожали народу грозным Рено, уверяя, что он покара-ет непокорных самыми жестокими карами. И перепуганные

гавайцы тащили в храмы ткани, кокосы, плоды хлебного дерева, чтобы только умилостивить гневного бога.

Но такому быстрому возрастанию могущества жрецов стало завидовать другое правящее сословие – сословие военачальников и вождей, называемых по-гавайски «эари». Власть ускользала из их рук. Действительно, кто станет слушаться своего князька, если любой священнослужитель может вымолить у таинственного Роно, прибывшего на крылатых островах из неведомых стран, любое наказание для своих послушников?

А тем временем капитан Кук, не ведая ни о том, что он всемогущий бог, ни о том, какие выгоды он доставил жрецам, спокойно закупал фрукты и солил свинину, приготовляясь к трудному путешествию на север. Он не знал, что вожди, ненавидя жрецов, подстрекают своих подчиненных к воровству, и удивлялся дерзости гавайцев, которые крали у него все, что только можно было украсть. Он не знал, что полупомешанный, пьяненький, дряхлый король Торреобой был вызван со всем своим двором и войском в бухту Каракакуа вовсе не для того, чтобы оказать честь чужеземцу, а, напротив, чтобы, если удастся, избавиться от него.

Правда, сам король не таил никаких злобных замыслов. Он совершенно искренне восхищался английским виски, которым угождал его у себя на корабле Кук. Но Торреобой уже давно был отстранен от государственных дел, и страной правили его приближенные, прикрываясь его именем. А им, как

и всем эари, был ненавистен некстати вернувшийся Рено.

Нагрузка судов продолжалась до 4 февраля. Жрецы не переставали осаждать Кука, и их пение сопровождало его всюду, куда бы он ни шел. Вожди были внешне учтивы. Торреобой сделал англичанам богатые подношения, но при этом вежливо осведомился, скоро ли они собираются уехать.

С одним только Переа у Кука установились дружеские отношения. Переа внимательно слушал объяснения капитана, и его умные глаза блестели всякий раз, когда ему удавалось постигнуть какую-нибудь новую премудрость.

4 февраля «Решение» и «Открытие» вышли из бухты. Но в открытом море на них внезапно налетел шквал. «Решение» потеряло одну из своих мачт, и экспедиции через несколько дней пришлось вернуться назад в бухту Каракакуа для починки.

Едва корабли стали на якорь, как англичане заметили резкую перемену в поведении гавайцев.

Несчастье

13 февраля в каюту капитана вошел боцман.

Кук был не один. Рядом с ним стоял Переа. Кук старался объяснить ему назначение компаса. Он пробовал говорить на полинезийском языке, но слов не хватало.

— Звезды — путь, Переа. Солнце — путь. Звезд нет. Солнца нет. Где путь? Компас — путь! Компас лучше звезд, Переа.

Увидев Переа, боцман нахмурился. И чего это капитан возится с этими дикарями? Их надо бить. Капитан лишает своих моряков заработка. Несколько ружейных залпов – и сколько богатств можно было бы вывезти из этой страны!

Но он не посмел высказать свои мысли вслух произнес:
– Капитан, у плотника украли клещи!

Кук рассердился. Нет, воровству надо положить конец.
Железные вещи так драгоценны!

– Боцман, поезжайте за вором вдогонку. Привезите сюда и клещи и вора. С вами поедет Переа. Он вам поможет.

Боцман и Переа вышли.

– Но не стреляйте! – крикнул им вдогонку капитан. – Я запрещаю стрелять.

Шлюпка была спущена в одну минуту. Четверо гребцов с ружьями за плечами сели на весла. Боцман взялся за руль. Переа стоял на носу.

Курчавая голова вора мелькала в волнах. Он плыл легко и быстро, крепко сжимая в руке драгоценные клещи. Увидев погоною, он остановился, высунул из воды руку и замахал проходившей мимо пироге. Пирога подъехала, подобрала его и на всех веслах понеслась к берегу.

– Дьявол! – закричал боцман. – Он уйдет! Стреляйте!

Грянуло четыре выстрела. Переа обернулся и с удивлением посмотрел на боцмана. Да, боцман нарушил приказ капитана, но боцман не виноват, что у него такой странный капитан.

Однако пирога уже причалила к берегу.

На берегу боцмана поджидала толпа. Англичане вышли из шлюпки. Как здесь найти вора? Эти черномазые все так похожи друг на друга.

— Отдайте клещи! — громовым голосом рявкнул боцман.

Но гавайцы только удивленно переглянулись.

Переа прошел вперед и тихо сказал несколько слов. Толпа заволновалась и замахала руками. Несколько воинов стремглав убежали в лес.

Через минуту они вернулись. Один из них нес злополучные клещи. Переа взял их у него из рук и передал боцману.

Но такое скорое разрешение дела только разозлило раздраженного англичанина. Ему хотелось наказать вора, показать могущество белых. А наказать было некого.

— Где вор? — закричал он, обращаясь к гавайцам. — Приведите мне вора! Капитан Кук хочет проучить этого негодяя!

Но гавайцы молчали.

— А! Вы не хотите его привести! — орал боцман. — Вы его укрываете! Приведите его сию же минуту или я спихну вашу лодку в море!

Он направился к гавайской пироге. Но Переа преградил ему дорогу.

— Это моя лодка, — с вежливой улыбкой сказал он боцману. — Друг, не трогай моей лодки.

Но тот оттолкнул его и пошел дальше. Переа протянул руку и схватил англичанина за волосы. Боцман попробовал вы-

рваться, но безуспешно. Он чувствовал, что попал в смешное положение, и бился, вертелся, ругался. Но волосы его были крепко зажаты в могучем кулаке гавайца.

Один из сопровождавших боцмана матросов выхватил из шлюпки весло и замахнулся им над головой Переа. Гаваец выпустил волосы боцмана, вырвал весло из рук матроса, спокойно уперся в него коленом и разломал пополам.

Град камней полетел в англичан. Воины, женщины, дети – вся толпа принялась загонять чужеземцев в воду. Напрасно ревел и ругался боцман, призывая матросов защищаться. Те уже бежали к шлюпке, прикрывая руками головы. Ему пришлось последовать за ними.

– Вы сами виноваты, – сказал боцману Кук, узнав о случившемся. – Мы приехали сюда не разбойничать. Боюсь, что теперь нам будет гораздо труднее ладить с ними.

В ночь на 14 февраля украден был большой бот с «Открытия». На «Открытии» другого бота не было. Капитан Кларк немедленно сообщил Куку о случившемся несчастье. Кук вспылил. Надо вернуть бот во что бы то ни стало и во что бы то ни стало избежать кровопролития. Он добьется этого.

План его был прост и решителен. Он привезет на корабль старого, впавшего в детство короля Торреобоя и не выпустит его, пока бот не будет возвращен.

Сейчас же с «Решения» спустили две шлюпки – одну под командой лейтенанта, другую под командой подпоручика. Кроме гребцов, в них сели сам Кук, семеро солдат морской

пехоты, сержант и капрал.

Они пристали возле селения. Гавайцы окружили их шумной толпой и весело приветствовали Кука.

— Друзья! — сказал Кук. — Я хочу поговорить с вашим королем. Где он?

— Торреобой дома, — ответили ему.

Дом короля стоял в конце селения, в полуверсте от моря. Кук приказал лейтенанту и подпоручику отплыть на шлюпках, а сам вместе с отрядом морской пехоты пошел в глубь острова.

Гавайцы, как и в предыдущие его посещения, падали перед ним на колени и не вставали, пока он не проходил мимо. По дороге он встретил многих вождей, которые спрашивали его, не нужны ли ему свиньи или кокосы. Он благодарил их, отказываясь и быстро шел вперед.

У порога королевского дома англичанам пришлось простоять довольно долго. Кук послал к королю нескольких гавайцев сказать ему, что хочет с ним повидаться. Посланые возвратились без всякого ответа. Они молча подошли к Куку и положили перед ним красные ткани.

Кук начал терять терпение. Он послал в дом сержанта, чтобы выяснить, в чем дело. Сержант вернулся и сообщил, что король спит, но что его сейчас разбудят.

Наконец Торреобой вышел на крыльце.

Кук протянул ему руку, приветствовал его и пригласил к себе в гости на корабль. Король принял приглашение.

Кук взял Торреобоя под руку, и маленький отряд, окруженный толпой гавайцев, двинулся к берегу.

Все бы кончилось вполне благополучно, если бы вдруг в толпе не возник слух, будто на другом конце острова англичане только что убили двух гавайцев. Слух этот, как потом оказалось, был ложный, но тем не менее он сыграл роковую роль в судьбе всей экспедиции.

Гавайцы начали вооружаться, появились дротики, копья и камни. Воины надели сплетенные из толстых трав рубашки, заменявшие им кольчуги. Кук, чувствуя, что дело принимает дурной оборот, приказал солдатам прибавить шагу.

Гавайцы построились рядами по обеим сторонам дороги, но враждебных действий не начинали.

Возле отряда плелся плешивый жрец, распевая молитвы. Выживший из ума король покорно следовал за Куком в сопровождении двух своих сыновей. Пока все было благополучно.

Но едва они вышли на берег, как к Торреобою подбежала одна из его жен, обняла мужа и усадила на камень. Она умоляла своего мужа и повелителя не ездить на корабль белых.

— Это злые, хитрые люди! — причитала она, обливаясь слезами. — Они заколют тебя, как свинью, на своем корабле. Не покидай нас, король, если хочешь остаться в живых!

Внезапно поручик увидел гавайца, который подкрадывался к Куку сзади с широким ножом в руке. Поручик прицелился в него из ружья.

– Не стреляйте! – крикнул Кук. – Выстрел погубит все дело. Он и так не посмеет меня тронуть.

Гаваец, увидев направленное на него дуло, кинулся к поручику.

Поручик ударил его прикладом по голове. Гаваец выронил нож и скрылся в толпе.

Но мир уже был нарушен.

Один из воинов бросил в Кука камень. Кук в него выстрелил, но дробь, которой было заряжено ружье, застряла в толстой рубашке воина. Воин замахнулся на Кука копьем. Кук прикладом сшиб его с ног и зарядил ружье пулей.

И в ту же минуту увидел другого гавайца, замахнувшегося на него дротиком.

Кук выстрелил, но промахнулся.

Солдаты, не дожидаясь приказания, беспорядочно выстрелили и заставили гавайцев немного отступить.

Короля Торреобоя давно уже увела жена. Надо было возможно скорее вернуться на корабль. Обе шлюпки медленно плыли к берегу. Кук взмахнул рукой, чтобы заставить их двигаться быстрее. Но поручик, командовавший одной из шлюпок, неверно понял знак капитана и повернул обратно к кораблю.

Эта ошибка стоила Куку жизни.

Другая шлюпка, находившаяся под начальством лейтенанта, мужественно продвигалась вперед, несмотря на то что на нее с берега сыпался град камней. Впрочем, она все равно

не могла бы вместить всех находившихся на берегу англичан.

Солдаты бросились в воду, давя и толкая друг друга, стараясь как можно скорее добраться до спасительной шлюпки. Офицеры кинулись за ними.

Кук шел последним. Он не торопился: все равно шлюпка всех не вместит, а капитан должен прежде всего заботиться о спасении вверенных ему людей.

Ружье он держал под левой рукой, а правой прикрывал голову от сыпавшихся со всех сторон камней. Гавайцы, видя смятение англичан, кинулись за ними вдогонку.

Копье вонзилось Куку в затылок.

Кук зашатался, упал в воду и выронил ружье.

Но сейчас же вскочил.

– Помогите! – крикнул он.

Копье опустилось снова и на этот раз пронзило Кука насмерть.

Корабли возвращаются в Англию

Так умер капитан Джемс Кук, один из величайших мореплавателей, чрезвычайно расширивших представления людей о том мире, в котором мы живем.

Капитан Кук дорог нам не только своими открытиями. Это был первый мореплаватель, обращавшийся с жителями далеких земель как с равными. Он никогда никого не гра-

бил, не убивал, всюду появлялся как друг и не мстил даже людоедам.

К сожалению, среди английских мореплавателей тех времен он был исключением.

После гибели Кука начальство над экспедицией принял капитан Кларк.

Он немедленно созвал совет, на котором многие офицеры предлагали отомстить гавайцам за смерть великого мореплавателя. Кларк решил, что такая бесполезная жестокость была бы недостойна памяти Кука. И совет решил вступить в переговоры с гавайскими вождями о выдаче тела убитого.

Ведение этих переговоров было поручено лейтенанту Кингу.

Но всякий раз, когда шлюпка, в которой сидел Кинг, пыталась приблизиться к берегу, ее встречала разъяренная толпа, и копья дождем сыпались в воду.

Мирным путем не только нельзя было добиться выдачи тела Кука, но даже просто набрать пресной воды в ручейке.

Капитан Кларк наконец потерял терпение. Под защитой пушек высадил он на берег роту морской пехоты, открыл пальбу, загнал гавайцев в горы и сжег их селение дотла.

После этого гавайцы стали боязливы и послушны. Старый Торреобой, выслушав требование лейтенанта Кинга, прислал на корабль десять фунтов человеческого мяса и голову капитана Кука без нижней челюсти...

Весной экспедиция снова отправилась на север. Добрав-

шись вдоль западного побережья Америки до 69° северной широты, путешественники окончательно убедились, что никакого пролива, соединяющего Тихий океан с Атлантическим, не существует, и направились в Англию.

По дороге, у берегов Китая, капитан Кларк умер.

Командование перешло к лейтенанту Гору.

4 октября 1780 года оба корабля после четырехлетнего плавания вернулись на родину.

Часть вторая

Капитан Лаперуз, который плыл от несчастья к несчастью

**Северо-Западный проход
должен быть найден!**

Франции нужен Тихий океан

Весть об открытиях Кука обошла всю Европу.

Повсюду говорили о неслыханных богатствах тихоокеанских земель.

Но больше всего беспокойств, волнений и досады вызвала эта весть при дворе французского короля Людовика XVI.

Франции не везло с колониями. Большинство французских колоний в Америке захватила Англия. Французские владения в Индии были невелики и со всех сторон окружены владениями Англии. А тут еще англичанин Кук открыл новые острова, которые тоже, вероятно, достанутся Англии.

Бо Франции не хотели с этим мириться.

И вот летом 1785 года, через пять лет после возвращения

кораблей Кука, маршал де Касти, морской министр Франции, вызвал к себе в министерство капитана Лаперузу.

— Итак, — сказал министр, — мы решили, наперекор англичанам, тоже послать научную экспедицию в Тихий океан. Бессспорно, открытия капитана Кука огромны. Но Кук — англичанин, и Франция не может вполне доверять ему. Ходят слухи, что английское Адмиралтейство самые ценные открытия Кука держит в секрете, чтобы мы не могли ими воспользоваться. В Тихом океане остались еще области, совершенно неведомые европейцам. Что нам известно о той части океана, которая лежит между островом Пасхи и Гавайским архипелагом? Ничего! Что мы знаем о том огромном пространстве, которое лежит между Калифорнией и Китаем? Ничего! А известно нам что-нибудь о таинственной стране Маньчжурии, лежащей между Кореей и русскими владениями на Дальнем Востоке? Ничего не известно! Ведь еще ни один европеец не был в Японском море. Но, конечно, важнейшим открытием вашей предстоящей экспедиции будет открытие Северо-Западного прохода.

— Но ведь Кук доказал, что Северо-Западный проход не существует! — воскликнул капитан Лаперуз. — Нельзя найти то, чего нет.

— Не верьте Куку, — проговорил министр. — Кук — англичанин. Если бы англичане нашли Северо-Западный проход, они не сказали бы нам о нем ни слова. Ну что ж, мы найдем его сами. Северо-Западный проход должен быть найден!

Помолчав, министр продолжал:

— Мы предоставляем в распоряжение экспедиции два сорокапушечных фрегата — «Компас» и «Астролябию». Это лучшие суда французского военного флота. Они сейчас находятся в Бресте. С экспедицией академия посыпает своих знаменитейших ученых.

Голос министра звучал торжественно. Министр приближался к самому важному месту своей речи.

— Глава такой опасной и трудной экспедиции должен быть не только первоклассным моряком, но и отличным географом и способным администратором. Он должен уметь вести и войну и торговлю. Нам нужен человек, которому мы могли бы без страха доверить жизнь людей. Трудно было найти такого человека. Но теперь он найден. Мой выбор пал на вас, капитан Лаперуз.

— На меня! — вскричал Лаперуз, вскакивая.

— Да, на вас, — повторил министр. — Разве это вас удивляет? Вы нам известны как лучший моряк французского флота. Ваши исследования Гудзонова залива блестящи. Ваше бегство из плена во время последней войны с Англией достойно удивления. Как администратор вы показали себя во время своей деятельности в наших канадских колониях. Вы здоровы и находитесь в самом цветущем возрасте — вам сорок лет...

— Да, — перебил его Лаперуз. — Но я слышал, что министерство собиралось назначить главой экспедиции адмирала

д'Антркасто...

— Эти слухи он сам распускает, — сказал министр со смехом. — Адмирал д'Антркасто предлагал нам свои услуги в качестве главы экспедиции, но мы от них отказались. Я, конечно, не отрицаю достоинств адмирала д'Антркасто. Он отлично справился с восстанием негров-рабов, когда был губернатором Иль-де-Франса, острова в Индийском океане. Он выsek двенадцать тысяч человек. Но поручить экспедицию ему мы не можем. Если матросов сечь, как негров, они подымут бунт.

Министр встал.

— Капитан Лаперуз, — сказал он, — поезжайте в Брест и примите начальство над обоими фрегатами. Я предоставляю вам самому выбрать себе подчиненных. Прощайте.

Выйдя из кабинета министра, Лаперуз встретился в приемной с высоким надменным человеком в треугольной адмиральской шляпе.

Это был адмирал д'Антркасто.

Лаперуз холодно поклонился.

Адмирал д'Антркасто побледнел. Рука его опустилась на рукоять шпаги. Он стиснул губы и не ответил на поклон.

Сборы в путь

Но Лаперуз сразу забыл об этой встрече. Мысли его заняты были другим.

«Командовать фрегатом „Компас“, – думал он, – буду я. Но кому поручить „Астролябию“? Конечно, капитану де Ланглю. Де Лангль служил под моим начальством во время плавания в Гудзонов залив. Мы с ним делили все трудности пополам, и я знаю, что лучшего моряка не сыщешь, пожалуй, во всей Франции. А старшим лейтенантом на „Компасе“ будет д’Экюр. Он молод, самонадеян, заносчив, но зато отважен. Младшим лейтенантом будет Бутэн, человек осторожный и опытный». Так Лаперуз перебрал всех лучших моряков французского флота.

На другой день начальник экспедиции познакомился с учеными, которые должны были сопровождать его во время путешествия. Академия послала с Лаперузом крупнейших представителей науки.

Участники экспедиции выехали из Парижа в Брест. Портовый город встретил их свежим морским ветром. Красавцы фрегаты, увешанные развевающимися флагами, стояли на причале у мола. Лаперуз и его спутники были встречены торжественным пушечным залпом.

Им предстояло на много лет расстаться с цивилизованным миром. Вернутся ли они когда-нибудь на родину? Удастся ли им обогнуть страшный мыс Горн, грозу кораблей? Как встретит их таинственный Тихий океан? Окажется ли он действительно тихим или их там ждут ураганы? Быть может, их убьют, как убили капитана Кука?

Лаперуз прежде всего спустился в трюм, чтобы посмот-

реть, каким грузом его снабдили, и вышел оттуда рассерженный.

— Корабли придется грузить заново, — сказал он начальнику порта. — Вы заполнили все трюмы мукой да соленой свининой.

— Но мне говорил господин министр, — возразил начальник порта, — что вы проведете четыре года в диких странах. Вот я и снабдил вас на четыре года мукой и соленой свининой.

— Чушь! — крикнул Лаперуз. — Бессмысленно возить с собой столько съестного. Кук покупал пропитание для своего экипажа на каждом островке. Нужно взять с собой вещи, годные для обмена, и туземцы доставят нам все, что мы ни пожелаем.

Солонину и муку потащили из трюмов обратно. А на место выгруженной провизии в трюмы спустили сотни пудов раскрашенных стеклянных бус, тысячи крохотных зеркалец, ящики с топорами и гвоздями.

— Любая островитянка за нитку этих бус даст нам больше фруктов, рыбы и мяса, чем здесь можно получить за золотую монету, — говорил Лаперуз.

1 августа 1785 года все было готово к отплытию. Играли военный оркестр. По ветру вились флаги.

Матросы начали отвязывать причальные канаты.

Бартоломей Лессепс

И вдруг Лаперуз увидел маленького, толстенького человечка, во весь дух бегущего по набережной. Человечек подпрыгивал на бегу, как мяч. Серебряные пряжки на его туфлях ярко блестели. В руках он держал большой чемодан.

Он влетел на палубу «Компаса» как раз в то мгновение, когда фрегат начал медленно отделяться от мола, и остановился, отдуваясь.

— Я не опоздал? — спросил он, вытирая платком раскрасневшееся лицо. — Я не мог опоздать. Со мной никогда не случается несчастий.

Подойдя к Лаперузу, толстяк сказал:

— Вот вам письмо от министра, капитан, — и подал запечатанный пакет.

«Податель сего письма, — писал министр, — Бартоломей Лессепс, служащий нашего посольства в Санкт-Петербурге.

Он очень веселый человек и имеет крупные связи при дворе. Узнав о вашем путешествии, он непременно захотел принять в нем участие. Быть может, он принесет вам некоторую пользу. Если вы будете на Камчатке, пошлите его с письмами в Париж через Россию. Он немного знает русский язык и пользуется покровительством императрицы Екатерины.

Морской министр Франции маршал де Кастро».

Лаперуз взглянул на нежданного пассажира.

Да, человек, знающий русский язык, может пригодиться.

И Лаперуз крикнул:

– Приготовьте каюту господину Бартоломею Лессепсу!

Остров Тенериф

Когда берега Франции растаяли в тумане, веселье охватило моряков. Моросил мелкий дождь, дул холодный северный ветер, но никто не обращал внимания на погоду. Фрегаты шли на юг, где круглый год сверкает палящее солнце. Стоит ли сердиться на обычный дождик, если завтра над мачтами будет вечноголубое небо? Весь экипаж понимал важность и необычайность предстоящего путешествия. Сколько богатых островов откроют они в неведомых морях! Если им повезет, они, как новые Колумбы, наткнутся на незнакомый европейцам материк. Мало ли какие земли могут еще находиться в далеком Тихом океане! Капитан Кук, совершивший три путешествия, не успел осмотреть целиком этот огромный океан, занимающий треть поверхности земного шара. Да разве кто-нибудь может исследовать весь Тихий океан? Ведь на это не хватит и десяти человеческих жизней.

А как выгодно такое путешествие! Все участники его, вернувшись на родину, станут богатыми людьми! Не говоря уж о богатствах, которые могут оказаться на неведомых землях Тихого океана, каждый моряк во время этого плавания будет получать двойное жалованье. Через три года, вернувшись на

родину, даже простой матрос получит столько денег, что купит себе домик где-нибудь в приморском городке. Офицеры, те все без исключения будут повышенены в чине. Даже младшие лейтенанты «Компаса» и «Астролябии» могут надеяться кончить свою жизнь адмиралами.

Но больше всего сулило это путешествие ученым. Географам, ботаникам, зоологам, минералогам представлялся блестящий случай обогатить познания человечества и прославить свои имена.

У берегов Испании дождевая завеса прорвалась и хлынуло солнце. Днем сверкающее море слепило глаза, а ночью сияло фосфорическим светом, и казалось, будто корабли плывут не по воде, а по пламени.

Дул ровный попутный ветер.

Все были заняты делом. Матросы передвигали тяжелые паруса, офицеры изучали карты, ученые исследовали состав воды и воздуха. Один только Бартоломей Лессепс ничего не делал. Он спал до полудня и ел за троих.

Утром 19 августа он подбежал к Лаперузу, крича:

— Глядите, капитан! Прямо из моря подымается гора вышиной до самого неба.

Действительно, зрелище было необычайное. Из волн почти отвесно вставала исполинская гора. Острая вершина таяла в неизмеримой вышине.

— Это Тенерифский пик, — объяснил Лаперуз, — огромная гора на острове Тенериф. Мы проведем у Тенерифа несколь-

ко дней.

Важные причины заставили Лаперуза посетить Тенериф. На вершине Тенерифского пика не был еще ни один человек, хотя остров вот уже триста лет принадлежал Испании. Кук не раз посещал остров Тенериф, но даже не попытался взобраться на Тенерифский пик. А между тем определить, что находится на вершине этой гигантской горы, заброшенной посреди океана, – задача очень важная для науки.

На берегу их встретили высокие пальмы и почти-только-подозрительные испанские чиновники. Маркиз дон Бранчифорте, тенерифский генерал-губернатор, приехал на «Компас» и долго любезничал с Лаперузом, стараясь выведать, зачем в его владения прибыли французские военные корабли. Узнав, что экспедиция имеет разрешение испанского правительства заходить во все испанские порты, он позволил французам гулять по всему острову.

Восхождение на Тенерифский пик

Инженеру Монерону и физику Ламанону было поручено взобраться на вершину Тенерифского пика.

Монерон был крепким, выносливым человеком, не привыкшим останавливаться ни перед какими препятствиями. А Ламанон был сухонький, седенький академик, хилый на вид, но во всяком деле неукротимый и упорный.

Налегке, гуляя, не взберешься на вершину такой исполин-

ской горы. Тут нужны проводники, хорошо знающие горные тропинки, да мулы, чтобы тащить запас продовольствия дня на три, на четыре.

Мулов купили на базаре. Это были сильные животные, выросшие в горных деревушках, привыкшие без страха шагать по краю отвесных пропастей. А проводников Монерону рекомендовал сам генерал-губернатор. Их было четверо — все молодцы, как на подбор, пастухи, с детства гонявшие стада по пастбищам, расположенным за облаками.

— Вы были когда-нибудь на самой вершине? — спросил их Монерон.

— Нет, — ответил старший из проводников. — На самой вершине не был еще ни один человек. Там находятся дьяволы письмена, и тот, кто увидит их, не вернется назад.

— Ого! — вскричал Монерон. — Дьяволы письмена! Хотел бы я прочитать, что пишет дьявол!

В путь тронулись рано утром, едва рассвело. Внизу, у подножия, было уже жарко, и жар усиливался с каждым часом. Шестеро человек и три мула шли вверх по тропинке меж пальмовых рощ. Кое-где дорогу преграждала сеть извилистых лиан, и их приходилось разрубать топором. Кругом шумел густой тропический лес. Среди ветвей порхали маленькие желтые птички. Это были канарейки, которых мы, жители холодных стран, привыкли видеть только в клетках. Тенериф — один из островов Канарского архипелага. А Канарский архипелаг — родина канареек.

Подъем вначале был не очень крут, и путники двигались довольно быстро. К полудню пальмовый лес кончился. Чем выше, тем прохладнее, и тропическая растительность сменилась растительностью Южной Европы. Это была самая богатая часть острова. Тропинка утопала в виноградниках. Мулы, мотая головами, срывали виноградные листья.

В два часа дня на берегу горного ручейка путники сделали привал и отдыхали до шести часов.

С вечерней прохладой двинулись в дальнейший путь. Тропинка с каждым шагом становилась все круче. Виноградники кончились. Тропинка извивалась меж огромных глыб застывшей лавы.

Монерон, здоровый, крепкий человек, и тот с трудом поспевал за проводниками. А физик Ламанон совсем выбился из сил. Его пришлось посадить на мула и привязать к седлу веревками, чтобы он не свалился.

Шли в сумерках до тех пор, пока не стемнело окончательно. Тогда развели костер и легли спать.

Назавтра поднялись чуть свет. Французские фрегаты, стоявшие в гавани, отсюда, сверху, казались крохотными игрушечными корабликами, сделанными из бумаги. Все острова Канарского архипелага, совершенно незаметные с берега, были отчетливо видны на горизонте. Но вершина Тенерифского пика была так же далеко, как и в самом начале.

Ведущая вверх тропинка ежеминутно раздваивалась, разветвляясь. Проводники словно чутьем угадывали направле-

ние – запомнить весь этот лабиринт казалось немыслимым. Подъем местами был настолько крут, что людям приходилось двигаться ползком и подтягивать за собой мулов на веревках. Ламанон, усталый и ослабевший, старался не отставать от своих спутников, даже подбадривал их и с любопытством разглядывал каждый камешек, каждую травку. Солнце поднялось уже довольно высоко, но зной не томил. Веял прохладный ветерок.

– Глядите, сосны! – закричал Ламанон.

Начался суровый северный лес. Сюда не залетали канарейки. Трудно было себе представить, что там, внизу, растут тропические пальмы, переплетенные лианами.

– Сколько разных климатов на одном маленьком островке! – удивился инженер Монерон.

До позднего вечера ползли они сосновым лесом. Вечером нашли яму, защищенную от ветра, и улеглись в ней спать. Вторую ночь, проведенную на склоне Тенерифского пика, они зябли, хотя лежали у костра и прижимались к теплым бокам спящих мулов.

На третий день кончились и сосны. Остались только камни, поросшие мхом. Природа этого пояса горы напоминала природу тундры. Фрегаты в гавани казались едва заметными точками. Путники раза два видели диких коз, прыгавших с камня на камень. Облака проплывали далеко внизу, бросая темные тени на поверхность моря.

Склон становился все круче и круче. Мулы не в состоя-

нии были идти по такой крутизне. Они теперь не облегчали восхождение, а только затрудняли – людям приходилось почти все время волочить за собой животных на канатах.

Решено было оставить мулов под охраной двух проводников. Два других проводника сопровождали французов дальше.

Скат был так крут, что двигаться можно было только на четвереньках. Вершина Тенерифского пика казалась теперь недалекой. Монерон и Ламанон уже не сомневались, что им удастся достигнуть ее, как вдруг оба проводника заявили, что не сделают больше ни шагу и немедленно возвращаются назад, к мулам.

– Вы, французы, должно быть, не верите в бога, не боитесь дьявола, если решаетесь идти дальше, – говорили они. – Там дьяволы письмена, и тот, кто увидит их, не вернется назад.

Напрасно Монерон предлагал им упятерить, удесятерить награду, напрасно он угрожал пожаловаться генерал-губернатору и посадить их в тюрьму: они были глухи и к обещаниям и к угрозам. Ни шагу дальше – был их ответ.

– Скажите, господин Ламанон, – спросил инженер, – согласны ли вы продолжать путь со мной без проводников?

За три дня изнурительного карабкания в гору щеки у Ламанона ввалились от усталости. Но он знал, что отступление будет позором.

– Согласен, – твердо сказал он.

– Идемте! – воскликнул Монерон. – Докажем этим суе-

верным трусам, что здесь нет никаких письмен.

Но письмена были.

Ползая на четвереньках весь день, французы добрались наконец, перед заходом солнца, до отвесной каменной стены, преградившей им путь. На стене четко выбита какая-то надпись. Незнакомые хвостатые буквы неведомого языка смотрели на двух измученных, ободранных, грязных людей.

— Не понимаю, — растерянно бормотал Монерон. — Дьяволы письмена существуют!.. Да это бред или сон... Разбутите меня, господин Ламанон...

Но физик вдруг хлопнул себя по лбу.

— Я понял! — закричал он. — Эту надпись сделали гуанчи.

— Какие гуанчи?

— Гуанчи — народ, живший на Тенерифе до прихода испанцев. Испанцы явились сюда триста лет назад. Гуанчи встретили их очень радушно. Но испанцы решили покорить Тенериф и обратить жителей острова в христианство. Гуанчи не хотели отдавать ни своей свободы, ни своих богов. Началась война. У испанцев были ружья, у гуанчей — деревянные копья. Испанцы истребили их всех до одного человека, не пощадив ни женщин, ни грудных младенцев. И теперь от целого народа ничего не осталось, кроме, может быть, одной этой надписи.

Ламанон старательно срисовал причудливые буквы себе в записную книжку.

Идти дальше было невозможно. Стена преграждала доро-

гу. Влезть на вершину Тенерифского пика по этому склону горы невозможно.

Переночевав у подножия стены, окоченев от холода, инженер и физик с рассветом тронулись в обратный путь. К полудню они добрались до того места, где их поджидали проводники с мулами.

Спускаться было почти так же трудно, как подыматься. Внизу, несмотря на тропический зной, путники долго не могли согреться. Когда они вернулись на корабль, заботливый Лаперуз велел им несколько дней не вылезать из постелей.

Экваториальный ливень

Экспедиции нечего было больше делать на Тенерифе, и 30 августа оба фрегата снова вышли в открытое море. Лаперуз держал курс прямо на юг – ему нужно было обойти мыс Горн не позднее Рождества.

Экватор перешли 29 сентября. К этому дню готовились задолго. По обычаям моряков, при переходе через экватор устраивается праздник. Корабельный повар обещал угостить матросов необыкновенным обедом. Каптенармус подготовил для всех новую одежду и обувь.

Утро 29-го было душное, знойное. Люди, задыхаясь, попрятались в самые темные закоулки. Ветер ночью стих, и фрегаты сонно, медленно ползли по гладкому зеркалу океана.

на. О празднике никто и не думал. Те, кто был свободен, лежали на койках, а занятые вяло работали, проклиная несносную духоту.

Но в полдень на горизонте появилось крохотное темное облачко.

— Гроза будет, — сказал Лаперуз.

И все вздохнули с надеждой.

Солнце стояло прямо посередине неба, над самой гротмачтой. Люди и предметы не отбрасывали никакой тени. Но облако все росло и приближалось. Расположенный под ним край моря стал тусклым, свинцовым. Несмотря на ослепительный солнечный свет, было видно, как там сверкают молнии. Лаперуз приказал привязать к верхушке мачты длинную железную цепь и спустить один конец в воду. На «Астролябии» сделали то же самое. Это были громоотводы.

Тропический ливень налетел почти мгновенно. Стало темно, как ночью, вихрь закрутил корабли, и с неба хлынули целые реки воды. Казалось, будто один океан обрушился на другой. От грохота люди не слышали даже собственного голоса.

«Нельзя, чтобы столько пресной воды пропало даром, — сказал себе Лаперуз. — Нам всегда ее не хватает».

И распорядился:

— Все пустые бочки на палубу!

На палубе стоять было невозможно — ливень сбивал с ног. Стоило только на мгновение приотворить дверь, и вниз по

трапу тек целый ручей. Матросам удалось выкатить на палубу двадцать пять пустых бочек. В них набралось немало пресной дождевой воды.

При каждом ударе молнии в громоотвод фрегат вздрагивал, как от пушечного выстрела. А молнии обрушивались одна за другой... Сидя в каюте, можно было подумать, что корабль находится под обстрелом целой неприятельской эскадры.

Дождь лил два часа не переставая и прекратился так же внезапно, как начался. Хлынули знойные солнечные лучи, туча сжалась в облачко и растаяла на горизонте. Палуба высохла в несколько минут. Но жар не был таким тягостным, как прежде. Дышать стало легче. Гроза всем принесла облегчение.

Повар по случаю перехода через экватор угостил всех ветчиной, припасенной специально для этого случая. Вечером вся команда «Компаса» вышла на палубу. Какой-то матрос нарядился Нептуном – древним богом морей. Так велит старинный обычай моряков. Все поливали Нептуна ведрами воды. Он бегал по палубе мокрый и сердился. Потом все ловили друг друга и обливали. Через десять минут на обоих фрегатах не было ни одного сухого человека. Офицеры принимали участие в этой игре наравне с матросами. Устав играть, моряки долго разглядывали сверкавший на небе Южный Крест – созвездие, видное только в Южном полушарии.

Экватор остался позади.

Отважный комендант

По пути к мысу Горн Лаперуз собирался сделать еще две остановки – у острова Троицы и у берегов Бразилии.

Остров Троицы – небольшой клочок земли, затерянный в Атлантическом океане, – интересовал Лаперуза главным образом потому, что там до него не был еще ни один француз. Во Франции об этом островке знали только по описаниям португальцев и англичан. И Англия и Португалия включали остров Троицы в число своих заморских владений. Кому он принадлежал в действительности, французы и представления не имели. Не знали они, есть ли там удобная гавань, можно ли запастись пресной водой, живут ли там люди, какие там растения и животные.

Скалистые берега острова Троицы были замечены с фрегатов утром 16 октября. Унылые это были берега – обожженные солнцем бурые камни. Ни одного дерева, ни одной травинки.

Гавань, которую скоро удалось отыскать, была настолько мала, что Лаперуз не решился ввести в нее свои корабли. На берегу за гаванью возвышалась каменная башня. На башне развевался португальский флаг.

– Здесь португальцы, а не англичане, – сказал Лаперуз.

При появлении возле острова иностранных кораблей в португальском селении началась суматоха. Лаперуз видел в

подзорную трубу, как суетливо открывались и закрывались двери лачуг, как по единственной уличке взад и вперед бегали фигурки в белом, как на башне появились какие-то люди, возбужденно размахивающие руками.

Решено было в гавань не входить, а послать туда шлюпку.

Командиром шлюпки Лаперуз назначил лейтенанта Бутэна, дав ему в подмогу десять матросов и ботаника дю Фрэнса, который знал португальский язык.

Подъехав к берегу, Бутэн увидел странную процессию, направлявшуюся к французской шлюпке. Процессия эта состояла из двухсот человек, одетых вочные рубашки. Кроме рубашек, на них не было ничего – ни камзолов, ни панталон, ни башмаков, ни шляп. Были это все старики да инвалиды: у одного нет руки, у другого вместо ноги деревяшка, у третьего глаз перевязан какой-то грязной тряпкой. Но каждый тащил ружье. Ружья были тяжелые, длинные, вышедшие из употребления по крайней мере за сто лет до путешествия Лаперуза.

Этой диковинной армией командовал щупленький седенький старичик. На нем единственном был военный мундир – с белыми эполетами, со звездами и золотым шитьем. Подойдя к шлюпке, он низко поклонился, прижав правую руку к сердцу.

– Господин иностранный офицер, – сказал он Бутэну дрезбежащим старческим голосом, – умоляю вас, уезжайте с моего острова. Не губите меня, старика. Я здешний комендант,

и мне поручено не пускать иностранцев на остров. Но как я могу не пустить вас? Ведь единственная моя пушка заряжала. Из нее ни разу не палили с тысяча семьсот пятого года. А на прошлой неделе я устроил учение солдатам, и оказалось, что из каждого десяти ружей девять не стреляют. Ну посудите сами, разве я могу сражаться с двумя огромными фрегатами? А если япущу вас на остров и об этом узнает начальство, меня арестуют как изменника и посадят в темницу. Войдите в мое положение, господин иностранный офицер. Пожалейте меня! Уезжайте отсюда.

Бутэн с помощью дю Фрэна объяснил коменданту, что французы приехали на остров с самыми мирными целями и просят только разрешения собрать для коллекции растущие на острове травы, запастись пресной водой и купить провизии.

Но комендант твердо стоял на своем.

— Остров Троицы, — говорил он, — имеет для Португалии важное стратегическое значение, и мне приказано иностранцев сюда не пускать. Да и травы здесь никакие не растут — сами видите, голые камни. Вода у нас на острове такая, что свиньи и те пить ее отказываются. А провизию привозят нам раз в год из Бразилии. Не хватает нам этой провизии, мы даже собак всех съели. Что вам делать на этом голом острове? Здесь так жарко, что мои солдаты ходят в одних рубашках. Будьте милостивы, уезжайте отсюда. Не дайте мне, старику, кончить жизнь свою за решеткой.

Бутэн махнул рукой и поплыл назад к «Компасу», провожаемый низкими поклонами благодарного коменданта.

В Бразилии

Прежде чем отправиться в опасное длительное плавание вокруг мыса Горн, нужно было запастись пресной водой и провизией, осмотреть снасти и корпуса фрегатов.

Все это заставило французов отправиться в Бразилию — богатую португальскую колонию в Южной Америке. Лаперуз выбрал один из южных бразильских портов, город, который теперь называется Флорианополисом, а в те времена назывался Дестеро. Покинув остров Троицы, он направился прямо к нему.

Бразильский берег увидели 6 ноября. Он весь был покрыт непроходимым пальмовым лесом. В подзорные трубы видны были стаи длиннохвостых обезьян, которые кувыркались в листве и показывали кулаки проходившим судам.

В три часа заметили каменную цитадель города Дестеро. Едва фрегаты вошли в рейд, как Лаперуз приказал пушкам:

— К пушкам!

Лаперуз приветствовал город пушечным салютом.

Бам! Бам! Бам!.. — раздался двадцать один выстрел. При каждом выстреле «Компас» вздрогивал всем корпусом.

Жители города Дестеро оказались вежливыми людьми.

Над цитаделью взвились дымки, и спокойный воздух бухты заколебался от двадцати одного ответного залпа.

На берегу Лаперуз встретил дона Франсиско де Барраса, губернатора города. Он превосходно говорил по-французски и изо всех сил старался быть любезным. Узнав, что Лаперуз хочет купить провизию, он указал ему, где и что дешевле продается.

В городе Дестеро было всего три тысячи жителей. Жили они бедно, в маленьких домиках и занимались главным образом разведением бананов и апельсинов. Скота они держали мало, потому что поблизости не было пастбищ. Устроить пастбища было невозможно: деревья в Бразилии растут так быстро, что всякое с величайшим трудом расчищенное место в несколько месяцев зарастает снова. Но самым страшным бедствием для скота были ядовитые змеи, заползавшие из леса в самый центр города. Одного укуса такой змеи достаточно, чтобы убить здоровенного быка. Людей кое-как предохраняла обувь, но животные гибли тысячами.

Матросы «Компаса» и «Астролябии» очень страдали от жары. Всякая работа валилась у них из рук. Даже заход солнца не приносил облегчения – духота не давала спать. Запасвшись водой и провиантом, починив паруса, Лаперуз поспешил отплыть в океан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.